

О Б З О Р Ъ

СОВРЕМЕННЫХЪ УСПѢХОВЪ СРАВНИТЕЛЬНОГО ЯЗЫКОЗНАНІЯ,

ОСБЕННО ВЪ ОТНОШЕНІИ КЪ СРОДСТВУ САНСКРИТ-
СКАГО ЯЗЫКА СЪ ЯЗЫКАМИ СЕМИТИЧЕСКИМИ.

Р
Бъсь Ученые единогласно признають важность
изученія языковъ. Оно долго начиналось сред-
ствомъ ознакомишься съ Исторією, правами, обы-
чаями народовъ, съ произведеніями ихъ мыслител-
лей и Философовъ, однимъ словомъ со всеми ихъ
понятіями, идеями и дѣйствіями для увеличенія
собственныхъ познаній, для улучшенія нашихъ
гражданскихъ учреждений, узаконеній и для все-
сторонняго образованія духа и сердца. Вошь по-
чему пворенія Грековъ и Римлянъ служатъ намъ
уже многія спользія не только единственными
путеводителями въ Исторіи древности, но даже
образцами и наставниками во всехъ онрасляхъ

Искусствъ и Наукъ, и еще долго будутъ предметомъ подражанія. Изученіе древнихъ языковъ, уже давно умершихъ, открываетъ намъ навсегда исчезнувшій міръ въ разнообразной его дѣятельности и направленіяхъ, коихъ разсмаприваніе изоцряетъ умъ и доспавляетъ ему средство, правильно судить о нашемъ времени съ его многообразными усиліями. Въ новѣйшее однакожь время Языкознаніе избрало себѣ еще другую, болѣе важную цѣль, къ коей спремится большая часть новѣйшихъ языкоиспытателей. Языкъ не только есть средство постиганія чужія мысли, идеи, но по существу своему есть выраженіе и какъ бы вѣтшее проявленіе духа народовъ и людей отдѣльно взятыхъ. Въ языкѣ и въ его образованіи отражается духовная природа племенъ; онъ тѣсно сопряженъ съ ихъ просвѣщеніемъ; онъ на всякомъ шагу сопровождаетъ духовное ихъ развитіе, и есть вѣрный оппечатокъ мыслительной дѣятельности рода человѣческаго. Изученіе языковъ пріобрѣтаетъ свою истинную и величайшую значительность тогда только, когда разсмапривается съ этой точки зрѣнія. Тогда оно есть не только средство къ достиженію другой цѣли, но служитъ цѣлю и для самаго себя. Языкъ и его законы изслѣдываются для того, чтобы по сппсени его образованія заключать о духовномъ развитіи народа, который имъ говоритъ. Для этого конечно необходимо глубокое знаніе природы языка человеческого вообще. Только въ новѣйшія времена Ученые, какъ напр. *Вильгельмъ Гумбольдтъ*, успѣли почерпнуть это знаніе изъ свойства языковъ. Для того нужно из-

слѣдовать весьма многіе языки, извѣстные дополтъ едва по имени, и сличить ихъ формы между собою.

Въ прошедшемъ столѣтіи, особенно въ концѣ его, много было разсуждаемо въ Германіи объ языкѣ, и даже возникъ весьма живой споръ о божественномъ или человѣческомъ его происхожденіи; большая часть Ученыхъ однако довольствовалась одними оцѣдочными умствованиями, которыя въ этой области такъ же мало, какъ и въ Наукахъ Естественныхъ, ведутъ къ желаемой цѣли. Испытанное языкоислѣдованіе можетъ, опираясь только на основательное знаніе многихъ языковъ, достигнуть правильнаго взгляда на природу слова; и сличеніе языковъ тогда получитъ цѣну, когда, не довольствуясь одною сравнительною номенклатурою, проникнешъ въ духъ языковъ или формъ, и вмѣстѣ откроешъ законы, по коимъ духъ человѣческій, посредствомъ словъ и звуковъ, выражаетъ на разныхъ языкахъ свои чувства, мысли, идеи. По этому пути ревностно идуть языкоиспытатели нынѣшняго времени.

Мы желаемъ показать въ краткомъ историческомъ обзорѣніи, какъ велики донынѣ успѣхи въ области сравнительнаго языконаблюденія, и присоединить нѣкоторыя замѣчанія о сходствѣ корней Санскритскаго языка съ корнями языковъ Семитическихъ. Вопросъ объ этомъ сходствѣ не приведенъ еще въ надлежащую ясность.

Съ XVI столѣтія, въ Западной Европѣ ревностно занимались изученіемъ обоихъ языковъ Классической древности: Греческаго и Латинскаго; а Богословы упражнялись и въ языкѣ

Еврейскомъ, вмѣстѣ и для основательнаго изученія сего послѣдняго, уже двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ умершаго священнаго языка, въ сродныхъ съ нимъ діалектахъ, какъ то: Арабскомъ, Сирійскомъ, Халдейскомъ, Эѳіопскомъ и Самаританскомъ. Сверхъ того многіе Богословы пользовались древнимъ Персидскимъ, для объясненія Персидскихъ именъ и предметовъ, встрѣчаемыхъ въ нѣкопौरныхъ книгахъ Веліаго Завѣта. Не смотря на успѣхи, оказанные на этомъ поприщѣ, кои впрочемъ шакъ велики, что нынѣшнее время въ иныхъ, какъ то въ Эѳіопскомъ и Халдейскомъ языкахъ, далеко уступиваетъ ученымъ трудамъ XVII столѣтія, грамматическое изслѣдованіе всѣхъ языковъ соспало шолько въ совершенно эмпирическомъ собраніи формъ Грамматики и правилъ Синтаксиса съ ихъ исключеніями, и не было въ соспояніи дашь оппечна въ основаніяхъ правилъ и ихъ исключеній соопвѣтственнѣнн духу языка и народа, имъ говорящаго. Страннѣе противупш въ тайны слова нѣмъ менѣе казалось нужнымъ, что эмпирическое въ ономъ свѣдѣніе соопвѣтствовало цѣли изученія языковъ, ограничивающейсѣ чпеніемъ и пониманіемъ швореній, на нихъ писанныхъ. Поэтому мы не видимъ никакихъ успѣховъ шогдашняго времени въ сравненіи языковъ: ибо всѣ Воспочные языки, за исключеніемъ Персидскаго, были шолько нарѣчія Семишического корня, въ видѣ своемъ, исторически намъ переданномъ, ни мало не сродныя съ Греческимъ и Латинскимъ. Одинъ Персидскій языкъ, не многимъ впрочемъ извѣстный, показалъ сѣды сродства съ другими, шакъ что уже въ

1640 году Французъ *Сомезъ* (Saumaize, Salmasius) открылъ, что Персидскіе, Нѣмецкіе и Греческіе глаголы одни и тѣ же; онъ думалъ, что они вѣроятно вмѣстѣ произошли отъ Скиѣскаго языка. Философъ Лейбницъ съ большимъ рвеніемъ занимавшійся изысканіемъ языковъ, продолжалъ это открытіе далѣе; между тѣмъ въ XVII столѣтіи *Адрианъ Реландъ*, Профессоръ въ Упрехтѣ, былъ одушевленъ такою любовью къ испытанію языковъ, что събралъ не только Индійскія слова, встрѣчаемыя у Греческихъ и Латинскихъ Авторъвъ, но даже сравнилъ между собою Американскіе языки. Съ того времени оказаны чрезвычайныя успѣхи въ распространеніи Языковѣднія, въ дальнѣйшемъ изслѣдованіи вѣкопородъ и во взаимномъ ученюмъ сличеніи многихъ языковъ. Распространенію знанія многихъ языковъ, дошолъ неизвѣстныхъ, *Россія* оказала величайшія услуги. Просьба, съ кою *Лейбницъ* обратился къ великому Преобразователю Русской Имперіи, *Петру* Великому, «чтобы языки въ земляхъ, Его Величеству подвластныхъ, и на ихъ предѣлахъ употребляемые, но большею частію дошолъ неизвѣстныя, необработанныя, подвести подъ нисъмо, составить для нихъ Лексиконы, или по крайней мѣрѣ малые Словари, и тѣмъ способствовать знанію происхожденія языковъ Русскихъ подданныхъ,» исполнена не только *Имъ* однимъ, но даже всеми Его Преемниками съ истинно Царскимъ величіемъ. Монархи и Монархини Россіи, съ цѣлью просвѣщенія и образованія подвластныя Ихъ скипетру народы, почиали однимъ изъ вели-

чайшихъ украшеній своего Престола, озаряющаго опдаленныя страны, покровительствовашъ Языковѣднїю не менѣе, какъ и прочимъ Наукамъ, частїю великодушно вспомошеснвуя Ученымъ, объѣхавшимъ дальнїе предѣлы великой Имперїи Россійской, частїю опсправляя образованныхъ Академикомъ для ученаго изслѣдованїя всѣхъ частей Государства. *Аделунгъ* въ творенїи своемъ: «Заслуги ЕКАТЕРИНЫ Великой касательно сравнительнаго Языковѣднїя» (1) описалъ, проспанно и оцѣнилъ многїе, значительные усѣбхи, оказанные на эпомъ поприщѣ. Мы упоминаемъ здѣсь мимоходомъ только о самыхъ важныхъ опытахъ въ эпомъ опношенїи. Вакмейсперъ, умерщїй въ 1806 году въ С. Петербургѣ, уже въ 1773 году начерпалъ себѣ планъ для сличенїя всѣхъ языкомъ свѣта между собою. Къ исполненїю эпаго огромнаго предпрїянїя, онъ приглашалъ небольшимъ сочиненїемъ своимъ: «*Idea et desideria de colligendis linguarum specimenibus*», изданнымъ на Латинскомъ, Русскомъ и Французскомъ языкахъ, и разосланнымъ въ 600 экземплярахъ по всей Европѣ, знающихъ всѣхъ земель, къ ученому содѣйснвїю; между нѣмъ онъ соспавилъ для путешествовавшихъ иногда по Внутреннїямъ частямъ Имперїи Академикомъ *Лепехина*, *Палласа* и *Гилденштета* еще особенное руководство, какимъ образомъ располагать опыты въ языкахъ и дѣлать замѣчанїя о собранныхъ

(1) *Catherinen's der Grossen Verdienste um die vergleichende Sprachkunde. St. Petersburg 1805.*

нарѣчійхъ. Это предпріятіе хотя возбудило въ Россіи и чужихъ краяхъ живое участіе, и хотя со всѣхъ споронъ видно было соревнованіе, при всемъ томъ не увѣчалось желаемымъ успѣхомъ. Собранные матеріалы не были однако и безъ пользы; они употреблены при составленіи большаго Сравнительнаго Словаря, изданнаго по повѣленію Императрицы Екатерины II. Эта высокая Императрица совершила подвигъ, о которомъ весьма справедливо замѣнилъ *Аделунгъ*, что онъ навсегда заславилъ любительсей Языконовѣдѣнія удивляться Монархинѣ и благоговѣнъ предъ Нею. Императрица сама съ величайшимъ рвеніемъ занималась 6 мѣсяцевъ пріискиваніемъ оныхъ двухъ до трехъ сотъ коренныхъ словъ и значеній самыхъ простыхъ понятій въ Русскомъ языкѣ, чтобы перевести ихъ на всѣ языки; она сама перевела нѣсколько сотъ словъ на *Карибскій* языкъ. Такимъ образомъ явились въ свѣтъ «Сравнительные Словари всѣхъ языковъ и нарѣчій, собранные десницею Державной Особы» подъ надзоромъ Академика *Паласа* въ 1787 и 1789 годахъ въ С. Петербургѣ. Они содержатъ въ себѣ переводъ 285 словъ на 200 языковъ и нарѣчій; а именно: 149 Азіатскихъ и 51 Европейскихъ, чтобы дать возможность взаимно сличить ихъ (1).

(1) Послѣ того сіи Словари изданы были исправленные и усовершенные прибавленіемъ 22 Азіатскихъ, 4 Европейскихъ, 30 Африканскихъ и 23 Американскихъ языковъ *Феодоромъ Яковлевичемъ*, подъ заглавіемъ: Сравнительный Словарь всѣхъ языковъ и нарѣчій по азбучному порядку расположенный, 1791 года въ IV Томѣхъ.

Эпо твореніе было принято любителями Исторических и Словесныхъ Наукъ съ необыкновеннымъ участіемъ и превзошло всѣ другія, какія только до того въ томъ же родѣ существовали. Прегніе успѣхи на этомъ поприщѣ ограничивались собраніемъ переводовъ «Молишвы Господней Опче нашъ» на разныхъ языкахъ, изъ коихъ изданныя *Юанномъ Шамберланъ* (Chamberlagne) въ Амстердамѣ въ 1715 году и *Лифляндскимъ проповѣдникомъ Бергманномъ* въ 1739 на 152 языкахъ, значительнѣйшіе и лучшіе. Важность упомянутаго огромнаго предпріятія оправдывается чрезвычайнымъ одобреніемъ, которое оно нашло у языковѣдцевъ всѣхъ странъ, о чемъ Г. *Аделунгъ* обстоятельно извѣстилъ ученый свѣтъ. Поэтому мы и напоминаемъ здѣсь только о вліяніи, какое имѣлъ этотъ Лексиконъ на позднѣйшее твореніе подобнаго рода въ Германіи, начатое Саксонскимъ Падворнымъ Совѣтникомъ *Аделунгомъ* и продолженное Профессоромъ *Севериномъ Фатеромъ* подъ заглавіемъ «*Митридатъ*, или общее Языковѣдѣніе вмѣстѣ съ переводомъ Опче нашъ, въ видѣ опыта, почти на 500 языковъ и нарѣчій.» Оно состоишь изъ четырехъ частей, издано въ Берлинѣ въ 1806 и 1817 годахъ, въ немъ изложены результаты объ изслѣдованіяхъ всѣхъ языковъ свѣта, дополъ сдѣлавшихся извѣстными. Какъ бы однако сравнительное упражненіе въ языкахъ ни было возбуждено и одушевлено этими твореніями: при всемъ томъ оно не могло достигнуть высочайшей цѣли сравнительнаго языковѣденія — показати единство въ выраженіи мы-

слей и понятій помощію звуковъ и словъ различныхъ нарѣчій.

Собраніе однихъ словъ нѣкоторыхъ діалектовъ и языковъ ни сколько не довольно для утверждения надежнаго объ истинномъ сродствѣ языковъ сужденія. Не смотря на то, что въ слова неизвѣстнаго языка, собранныя путешественниками, должны часно вкрадываться большія ошибки — что даже неизбѣжно при языкахъ необразованныхъ, неимѣющихъ еще письменъ, часпію по различію выговора, часпію по неспособности невѣжественныхъ народѣвъ соснавить себѣ нѣкоторыя опредѣленные понятія и выражать ихъ правильно посредствомъ словъ: при всемъ томъ сходство въ звукахъ нѣкоторыхъ словъ между собою не служитъ еще вѣрнымъ доказательствомъ ихъ сродства, потому что оно можетъ быть или совершенно случайнымъ, когда корень, служащій основаніемъ для словъ, совершенно другой, или же, гдѣ оно въ точности встрѣчается, можетъ происходить отъ перенесенія словъ и понятій одного языка въ другой: ибо всякій народъ, имѣя съ другимъ общесловенныя сношенія, принимаетъ у него множество предметовъ и понятій вмѣстѣ со словами, ихъ знаменующими, кои поспешенно пріобрѣтающъ такое право гражданства въ языкѣ, что ихъ происхожденія даже и Ученому отгадать не легко; а для неученыхъ оно оспается совсѣмъ неизвѣстнымъ. Многіе ли знаютъ напр. что слова: *стихія*, *стихи*, *тетрадь* не суть Славянскаго происхожденія, но Греческія: *στοιχεῖα*, *στίχοι*, *τετράδιον*, или что слова: *баимакъ*, *деньги*, *лошадь*, *стаканъ*, *хозяинъ* и многія

другія (1) заимствованы изъ языка *Татарскаго*? Но положимъ, что эти, почти неминуемая погрѣшности точно избѣгнуты, дабы только слова свойственныя и первоначальныя языкамъ сравнялись между собою, при всемъ томъ невозможно познать истиннаго родства разныхъ языковъ по сходству нѣкоторыхъ словъ, но единственно по общему ихъ образованію. Это внутреннее сходство слова, имѣющее свое основаніе въ тождествѣ всеобщихъ законовъ языка, происходящихъ изъ существа человеческого духа, коюрой мы называемъ *духомъ языковъ*, не можетъ быть основательно изслѣдовано и правильно изъяснено по немногимъ словамъ, какъ бы ихъ число ни было велико, но только по внутренней природѣ развитія языковъ, по тому, какъ всякій народъ разумѣетъ на своемъ языкѣ разнообразныя понятія и выражаетъ ихъ словами, по образу обнаруженія всѣхъ мыслей его въ связи словъ и періодовъ. Поэтому для ученаго познанія языка необходимъ точный и правильный изглядъ въ его основныя части: Этимологию и образованіе словъ, синтаксическую связь и порядокъ ихъ (2). Если сравненіе языковъ должно вести къ полезнымъ результатамъ, то надобно слѣзать между собою не только Словари и Лексиконы, но даже Грамматики разныхъ языковъ. На сей конецъ нужно прежде всего фило-

(1) Слич. Пространную Русскую Грамматику изданную Г. Гречемъ, Томъ I § 57 втор. издач.

(2) Слич. разсужденія Адмирала *Шишкова* объ этомъ предметѣ въ извѣстіяхъ Россійской Академіи, Книга I стр. 25 и проч., Книга V, статья I.

софское развитіе Грамматики, которое, не довольствуясь опвлеченными умозрѣніями касательно языковъ и ихъ законовъ, очеркнуло бы изъ глубины исторически данной сущности языка, и стремилось бы найти общіе законы, служащіе ей основаніемъ.

Кромѣ того всѣ языки подвергаются въ теченіе времени значительнымъ переворотамъ не только касательно выговора словъ, условяемаго разнообразными обстановками природы, но даже такимъ, которые тѣсно соединены съ сущностью самаго языка. Слова сдвѣиваются, наконецъ совершенно выходятъ изъ употребленія, другія заступаютъ ихъ мѣсто, иныя хотя и сохраняются, однако измѣняютъ со временемъ значенія свои. Такъ встрѣчаемъ у Пестора, и въ Поэмѣ Игора, множесто словъ и выраженій, неизвѣстныхъ въ нынѣшнемъ Русскомъ языкѣ: *веверка* вмѣсто *бѣлка* или *векна*; *закромъ* (мучный ящикъ), *застреха* (чердакъ), или фразы, какъ по: *мечьми цвѣлити* т. е. мучить мечами, *пустиль на воронъ* и п. д.

Сверхъ того въ разныхъ языкахъ предметы получаютъ свое названіе отъ различныхъ свойствъ, въ нихъ замѣчаемыхъ, что рождаетъ великую разность въ словахъ и выраженіяхъ языковъ, между собою близко сродныхъ: такъ (повторимъ примѣръ (1), приведенный Г. Шишковымъ) «Русскій говоритъ *утка*, Полякъ *качка*, Боснякъ *пловка*, подъ коими разумѣются всѣ шрое одну и

(1) Словр. Извѣстія Росс. Акад. Книга V, стр. 66.

пу же плицу.» Русскій, примѣпивъ, что она утыкаеть всегда носъ свой въ воду, назвалъ ее *уткою*; Полякъ, оиъ способа ея ходишь переливаясь съ ноги на ногу или качаясь, назвалъ ее *кадкою*; Боснякъ, оиъ плаванія, назвалъ ее *пловкою*.

Поэтому для успѣшнаго упражненія въ сравнительномъ языкознаніи, надобно напередъ изслѣдовать самыя языки исторически и философски. Эпопъ способъ съ начала шекующаго столѣтія признавался всегда необходимымъ, — и опличѣншіе языкоиспытатели начали руководствоваться онымъ при изслѣдованіи нѣкоторыхъ главныхъ языковъ и ихъ нарѣчій. Германія первая ревностно и основательно пользовалась эпою меподю опносительно обоихъ языковъ классической древности, Греческаго и Латинскаго. Два сочиненія, изданныя въ началѣ нынѣшняго столѣтія, составляютъ въ эпомъ опношеніи эпоху: всеобщая Грамматика, изданная ученымъ *Бернгарди* (*Allgemeine Sprachlehre von A. F. Bernhardi, Berlin 1801*), копорою положено было основаніе умственному изслѣдованію языковъ вообще, и твореніе *Готфрида Германа*, подъ заглавіемъ: *De emendanda ratione Grammaticae Graecae* (Лейпцигъ 1801), въ копоромъ Авторъ не только глубокомысленно, сколько опроумно опровергнулъ спарья закоренѣлыя погрѣшности Классической Филологіи. Изъ нихъ сочиненіе Германа дало изученію Греческаго и Латинскаго языковъ новое умозрительное направление; а сочиненіе Бернгарди въ особенности возбудило спремленіе къ историческому изслѣдо-

ванію древнихъ Германскихъ языковъ, нашедшихъ въ *Яковъ Гриммъ* (Jacob Grimm) самаго умнаго изыскаателя. Этому спремленію Нѣмецкихъ Ученыхъ современны труды *Добровскаго* (1) и *Шарфика* (2) надъ Славянскими языками и ихъ Литературою. Для Русской Словесности ученое поприще открылъ достойный Президентъ Россійской Академіи, Адмиралъ *Шишковъ*: въ слѣдствіе чего Грамматика, созданная *Ломоносовымъ* въ срединѣ минушаго столѣтія, возведена была *Грегемъ*, (воспользовавшимся всеми успѣхами философскаго, историческаго и сравнительнаго Языкознанія въ Германіи), на степень ученаго изслѣдованія.

Для этихъ занятій, счастливо начатыхъ, и нынѣ увѣчаныхъ значительными успѣхами, знакомство съ однимъ изъ образованнѣйшихъ языковъ древняго Востока, открыло еще новое поприще. Естественныя произведенія и сокровища Индіи были извѣстны Европѣ гораздо прежде, чѣмъ духовное развитіе и Словесность *Браминовъ*, на которые Ученый Начальникъ Англійскаго Восточно-Индійскаго Общества *Вилліамъ Джонъ* (Jones), въ концѣ минушаго столѣтія, первый обратилъ общее вниманіе. Пятидесять лѣтъ тому назадъ,

(1) Смотр. *Josephi Dobrowsky Institutiones linguae Slavicae dialecti veteris. Vindobonae, 1822*, и: Грамматика языка Славянскаго по древнему нарѣчію, сочиненіе Аббата *Иосифа Добровскаго*, перевелъ съ Латынскаго М. *Погодинъ*. Сан. Петербургъ 1833 года 3 члсти.

(2) Въ сочиненіи подъ заглавіемъ: *Geschichte der Slawischen Sprache und Literatur nach allen Mundarten von Paul Joseph Schaffarick. Ofen, 1826.*

Европа нисколько не знала Индійскаго языка, называемаго *Санскритскимъ*, и. е. совершеннымъ или Классическимъ, съ полнымъ правомъ попому, что онъ, по сужденію знапкоковъ, одинъ изъ самыхъ богатыхъ, благозвучныхъ и образованныхъ языковъ въ мірѣ. Первое извѣстіе о немъ сообщилъ Европейцамъ Миссіонеръ *Паулино* (Paulino a St. Bartholomeo) въ своей: «Grammatica Samscredamica», изданной въ Римѣ 1790 года. До него уже занимались имъ нѣкоторые Англичане въ Воспощной Индіи, которые и привезли многія ученые сокровища Индіи въ Парижскую и Лондонскую Библиотеку. Въ Англіи основано было даже въ *Гартфордѣ* (Hartford) особое Училище (College) для изученія Санскритскаго языка; однакожь тогдашнія военныя обстоятельства и сопряженные съ ними трудности континентальнаго сообщенія, воспретившисывали Европейскому маперіку воспользоваться грамматическими и лексикальными пособиями, изданными въ Бенгаліи и Англіи, пока наконецъ *Отмаръ Франкъ* и *Францъ Боппъ*, возбужденные извореніемъ *Фридриха Шлегеля* объ языкѣ и мудрости Индійцевъ (über die Sprache und Weisheit der Indier von Fr. Schlegel, Heidelberg 1808) и вспомошесивуемые щедростію Баварскаго Правительсыва, поѣхали въ Англію къ самому источнику. По возвращеніи своемъ въ опещество съ богатымъ ученымъ сокровищемъ, они ввели въ Германію Санскритскій языкъ и дали ему право гражданства, такъ что нынѣ учащъ ему въ весьма многихъ Университетахъ Германіи. И въ нашемъ Опеществѣ нашель Санскритскій

языкъ своихъ почитателей. Уже въ 1811 году *Аделунгъ* представилъ Императорской Академіи небольшое сочиненіе подъ заглавіемъ: «Rapports entre la langue Sanscrite et la langue Russe» (о сходствѣ Санскритскаго языка съ Русскимъ), и съ того времени съ необыкновеннымъ вниманіемъ слѣдилъ за всеми явленіями въ этой области, какъ доказываетъ изданный имъ въ 1830 году Опытъ Санскритской Литературы, который въ прошедшемъ году напечатанъ вновь подъ заглавіемъ: *Библиотека Санскритская* (Bibliotheca Sanscrita, St. Petersburg 1837), въ совершенно исправленномъ и обогащенномъ видѣ. Сіе сочиненіе, какъ рачительное указаніе всей до сихъ поръ извѣстной Словесности этого языка, весьма драгоценно для языковѣдцевъ. Недавно Г. Министръ Народнаго Просвѣщенія исходатайствовалъ для даровитаго юноши *Роберта Ленца*, (посвятившаго себя подъ руководствомъ *Болла* изученію Санскритскаго языка и доказавшаго познанія свои изданнымъ имъ Санскритскимъ сочиненіемъ (1).) Высочайшее вспоможеніе для усовершенствованія его познаній въ Парижъ и Лондонъ, гдѣ имѣются самыя богатые рукописныя источники этой Литературы, въ послѣдствіи же поручилъ ему при Академіи Наукъ Каѳедру Санскритскаго языка; но везанная смерть удалила

(1) Подъ заглавіемъ: *Urvasia, fabula Caledasi, Textum Sanscritum edidit, interpretationem latinam et notas illustrantes adjecit Rob. Lenz. Berolini 1834, и: Apparatus criticus ad Urvasiam conscripsit Rob Lenz. (ibidem).*

его съ поприща, на которомъ онъ общалъ при-
нести труды важнѣйшіе. Санскритскій языкъ спо-
собень болѣе всѣхъ прочихъ усовершенствовашъ
общее изученіе языковъ: ибо не только Санскрит-
ская Литераура полнѣе другихъ и открываешъ
необыкновенную дѣятельность одного изъ древнѣй-
шихъ и образованнѣйшихъ народовъ Востока;
но и самый языкъ принадлежишь къ древнѣйшимъ
языкамъ міра. Помощію свойственнаго ему каче-
ства—обнаруживашъ легчайшимъ образомъ перво-
начальный свой составъ, онъ объясняешъ удовле-
творительно свое сродство со всеми Европей-
скими языками и представляешъ ихъ въ новомъ
свѣтѣ. По отзыву глубокомысленнѣйшаго языко-
вѣдца, не давно умершаго *Вильгельма Гумбольд-
та*, безъ основательнаго изученія Санскритскаго
языка невозможно ожидать плодовъ ни отъ Языко-
знанія, ни отъ той части Исторіи, которая
соединена съ нимъ (1). Истина сего разсужде-
нія довольно доказана успѣхами, оказанными въ
той области. Между Нѣмецкими Филологами
Санскритскаго языка, Берлинскій Профессоръ
Бопль сдѣлалъ Сравнительное Языкознание глав-
нымъ предметомъ своихъ изысканій. Онъ уже
въ 1816 году началъ труды свои по сей части
твореніемъ о системѣ спряженій Санскрит-
скаго языка, сравненной съ системою спряженій
Греческихъ, Латинскихъ, Персидскихъ и Гер-

(1) Въ Журналѣ Фридриха Шлегеля, подъ заглавіемъ: *Indische Bibliothek*, Томъ I, стр. 433.

манскихъ (1). Онъ безпреставно продолжалъ свои изслѣдованія, принесшія зрѣлые плоды для Наукъ; его Сравнительная Грамматика (2) доказала чрезвычайно ясно, что языки Санскритскій, Зендскій, Греческій, Латинскій, Нѣмецкій, Липовскій и Славянскій братья единой великой семьи языковъ, о взаимной связи коихъ и средствѣ часто появлялись прежде самыя противоположныя впопезы. Помощію ученыхъ указаній на родственное отношеніе всѣхъ упомянутыхъ языковъ, мы получили о происхожденіи величайшихъ и могущественнѣйшихъ націй древняго и новаго времени ясное понятіе, которое можешь служить вѣрнымъ руководствомъ для Испориковъ въ темныхъ эпохахъ, гдѣ сокрыпы историческія начала Европейскихъ народовъ. Важность результатовъ Сравнительнаго Языкознанія сдѣлается еще яснѣе, если мы обратимъ больше вниманія на разнообразныя вѣтви, происходяція отъ корня этого языка.

1) *Санскритскій языкъ*, чисто сохранившій первоначальный видъ корня языка, простирающагося отъ береговъ Индійскаго Океана до береговъ Апланническаго моря, занимаетъ, по мнѣнію языкоиспытателей, первое мѣсто между сред-

(1) Ueber das Conjugationssystem der Sanskritsprache in Vergleichung mit jenem der Griechischen, Lateinischen, Persischen und Germanischen Sprache Frankfurt a. M. 1816, 8.

(2) Vergleichende Grammatik der Sanskrit, Zend, Griechischen, Lateinischen, Litthanischen, Altslavischen, Gothischen und Deutschen von Franz Bopp. Berlin 1833, 4.

ными ему нарѣчіями; хопя онъ уже нѣсколько столѣтій тому назадъ вошелъ въ число мертвыхъ языковъ, однако еще донинѣ *Брамы* учатся ему и знаютъ его, какъ Европейскіе Ученые Лапидскій. На немъ сочинены не только религіозныя докуменшы, но даже Классическія произведенія Поэзіи древней Индіи. О судьбѣ этого языка извѣстно только то, что онъ уже въ V столѣтій по Рождествѣ Христовомъ началъ превращаться въ нарѣчія и вышелъ изъ употребленія, вѣроятно подѣ вліаніемъ Магомеданскаго владычества. Его замѣнили два проспонародныя нарѣчія, образовавшіяся изъ смѣшенія Санскрипскаго съ Арабскимъ и Персидскимъ, а именно: *Индостанское* и *Бенгальское*, изъ коихъ первое обладаетъ богатною Словесностію. Первымъ говорящъ въ *Индостанѣ*, вшорымъ болѣе въ сиранахъ *Гангеса*. Уже прежде развились рядомъ съ Санскрипскимъ, какъ Священнымъ языкомъ *Брамы*, два народныя нарѣчія: *Пракритское* (Pracrit), и. е. нарѣчіе проспонародное (dialectus vulgaris), заключающее въ себѣ въ обширномъ смыслѣ всѣ діалекты Санскрипскаго языка, въ тѣсномъ же смыслѣ единспвенно по нарѣчію, на коемъ сочинены книги религіозной секты *Джайновъ* (Gainas), и на коемъ, по причинѣ его гибкости въ драматическихъ швореніяхъ, говорящъ добрые духи и женщины (1); и *Пали* (Pali), священный языкъ обожашелей *Будды*, распроспраненный нынѣ опъ

(1) Слит. сочиненіе подѣ заглавіемъ: De Pracrita dialecto libri duo auctore Alb. Hofer, Berolini 1856.

полуострова *Малакки* до *Китая* (1). Объ остальныхъ нарѣчійхъ Восточнаго полуострова Индіи извѣстно только то, что въ нихъ находятся элементы Санскритскаго, но не рѣшено еще, принадлежали ли они первоначально къ корню Санскритскому или нѣтъ. Сверхъ того Санскритскій языкъ имѣлъ сильное вліяніе на письменный языкъ *Малайскихъ* острововъ; а именно: *Яви* (Java) и *Бали* (Bali), носящій на себѣ названіе *Кави* (Kavi), т. е. языкъ Словесности (отъ *Kawiya*, т. е. спихотвореніе). Преимущественно занимался имъ *Вильгельмъ Гумбольдтъ* (2). Санскритскій языкъ, по отзывамъ Англійскихъ Ученыхъ, сохранился еще въ Восточной Индіи безъ малѣйшаго смѣшенія въ нарѣчій *Казмирскомъ*, почти вовсе неизвѣстномъ въ Европѣ. Парижское Азіатское Общество недавно занялось изданіемъ Лѣтописи *Казмира*, единственнаго историческаго творенія, которое имѣетъ Словесность Индійская. И такъ изъ этого явствуетъ, что всѣ языки обоихъ полуострововъ Восточной Индіи, отъ Индостана, Бенгаліи до Казмира и Китайскихъ предѣловъ, тѣсно сродны между собою, и что Санскритскій языкъ распространился посредствомъ поселеній также и на Малайскихъ островахъ.

2) Санскритскому языку ближе всѣхъ какъ въ географическомъ отношеніи, такъ и касательно

(1) Слич. *Burnouf et Lassen Essai sur le Pali. Paris 1826.*

(2) Слич. его сочиненіе подъ заглавіемъ: *Ueber die Kawi-Sprache auf der Insel Java, von Wilhelm von Humboldt. Erster Theil. Berlin 1836.*

древности и свойства, языки прежней Персии и Мидии. Сюда принадлежишь языкъ *Зендскій*, на коемъ писана *Зендавеста*, религиозное уложеніе древнихъ Персовъ, обожашелей свѣта и огня, ученіе основанное *Зороастромъ*. Французъ *Анкетиль дю Перронъ* (Anquetil du Perron) первый привезъ въ Европу подлинникъ *Зендавесты* въ послѣднюю четверть минувшаго столѣтія, и сдѣлалъ содержаніе его извѣстнымъ во Французскомъ переводѣ, сопоставленномъ въ Индіи съ помощію Индійскихъ Наставниковъ. Онъ издалъ также первыя изысканія свои объ языкѣ Зендскомъ и его Словоспособности, значительныя обогащенныя потомъ *Клейкеромъ* (въ Килѣ) въ прибавленіи къ Нѣмецкому его переводу *Зендавесты* (1). Эти изслѣдованія оказались однако довольно несовершенными; нашли даже, что *Анкетиль дю Перронъ* не опредѣлялъ правильной азбуки для Зендскаго языка. Ею обязаны мы Датскому языкоиспытателю *Раску* (2). Въ 1830 году *Юстъ Ольсгаузенъ* (Justus Olshausen) началъ издавать литографированный текстъ подлинника *Зендавесты*; между тѣмъ *Бюрнуфъ* (Burnouf) въ Парижѣ, обработавъ ѣкопюрыя ея часли критически, издалъ оную въ оригиналъ и переводѣ,

(1) Смолпр. Zend-Avesta, Zoroasters lebendiges Wort, aus dem Französischen des Anquetil du Perron von Jos. Friedr. Kleuker. 5 Theils. Riga, 2-ter Aufl. 1786, и cro: Anhang zum Zend-Avesta. Leipzig und Riga 1781.

(2) Въ твореніи подъ заглавіемъ: Ueber das Alter und die Aechtheit der Zend-Sprache und Herstellung des Zend-alphabets nebst einer Uebersicht der gesammten Sprachstammes von R. Rask, übersetzt von Friedr. Heinrich v. der Hagen. Berlin 1826.

съ учеными изслѣдованіями (1); а *Бопль*, Берлинскій Профессоръ, показалъ въ своей *Сравнительной Грамматикѣ* ближайшее сходство Зендскаго языка съ Санскрипскимъ. Кромѣ Зендскаго, говорили въ древнѣйшія времена въ прежней *Персіи* и *Мидіи* на другомъ варѣчьи, коего оспатки разсѣянно сохранились въ надписяхъ, на памянникахъ и развалинахъ *Вавилона*, чертогахъ *Персепольскихъ*, при озерѣ *Ванъ*, по близости *Гамадана* или *Экбатаны* и въ другихъ мѣстахъ. Эти надписи по клинообразію буквъ, называются *клинными* (inscriptions cuneiformes, Keilinschriften), коихъ объясненіе, (судя по тому, сколько *Боннскій Профессоръ Лассенъ*, послѣ первыхъ опытовъ *Гротефенда* (2) способствовалъ къ ихъ уразумѣнію), доставило уже важный для знанія языковъ и Исторіи результатъ, а именно, что письменные памянники содержатъ въ себѣ нарѣчіе, съ Зендскимъ весьма близко сродное, принимаемое *Лассеномъ* за древній Персо-Мидійскій языкъ (3). Изъ этихъ двухъ языковъ (Зендскаго и Персо-

(1) Подъ заглавіемъ: *Commentaire sur le Yaçna, l'un des livres religieux des Parses, ouvrage contenant le texte Zend pour la première fois, les variantes de quatre manuscrits de la Bibliothèque royale et la version Sanscrite inédite de Nerissengh, par Eugène Burnouf, Tome I. Paris 1833.*

(2) Въ твореніяхъ Профессора *Герена* (Heeren), подъ заглавіемъ: *Ideen über die Politik, den Verkehr und Handel der vornehmsten Völker der alten Welt. Томъ I, Часть II.*

(3) Смотр. его твореніе подъ заглавіемъ: *Die Altperischen Keilinschriften von Persopolis. Entzifferung des Alphabets und Erklärung des Inhalts, von D. Christian Lassen. Bonn 1836.*

Мидійскаго) образовались подъ правленіемъ Арсанидовъ и Сассанидовъ сходныя между собою нарѣчія, какъ по: *Пацендъ* (Pazend), вѣроятно испорченное Зендское, *Пелеви*, опгь слова *Пелу*, Герой, на которомъ писаны Сказанія о Герояхъ древнихъ Персовъ, и языкъ встрѣчаемый на Сассанидскихъ памянникахъ; касательно всѣхъ ихъ господствуетъ доннынѣ большая неопредѣленность, ожидающая поясненія. Съ достоверностію можно теперь сказать только то, что нынѣшніе языки сихъ странъ *Курдскій*, *Авганскій* и *Персидскій* или *Ново-Персидскій*, съ примѣсью многихъ составныхъ частей Арабскаго, произошли опгь Зендскаго и Древняго Персидскаго помощію сродныхъ членовъ упомянутыхъ нарѣчій со времени Магомеданскаго владычества. Изъ эпихъ языковъ болѣе извѣстенъ намъ одинъ Ново-Персидскій, и многіе уже давно замѣчали чрезвычайное сходство его съ *Германскимъ* и *Греческимъ*, хотя впрочемъ это доказано ясно только въ новѣйшія времена. По мнѣнію знаменитаго Ориенталиста *Гаммера*, все коренное свойство Персидскаго языка состоитъ изъ 10 или 12 тысячъ словъ; въ этомъ числѣ четвертая часть чисто-Германскихъ, частью съ незначипельными измѣненіями сродныхъ гласныхъ и согласныхъ буквъ, частью же и безъ измѣненія оныхъ (1).

(1) Слѣд. Вѣвскія Лѣтописи (Wiener Jahrbücher der Literatur). Томъ XXXV, стр. 136, и сочиненіе Профессора *Дарна*, подъ заглавіемъ: *Donn, über die Verwandtschaft des Persischen, Germanischen und Griechisch-Lateinischen Sprachstammes*. Hamburg 1827.

3) Третью главную вѣтвь этого обширнаго корня Индо-Европейскаго языка образуютъ *Греческій* и *Латинскій*, коихъ знаніе со времени возстановленія Наукъ въ XV столѣтіи, почтительно основаніемъ высшаго образованія. Ихъ взаимное, тѣсное сродство никогда не подлежало сомнѣнію, хотя сравнительный взглядъ на истинно родственное отношеніе возникъ недавно отъ ихъ сличенія съ Санскритскимъ. Прежде думали, что Латинскій языкъ произошелъ отъ Греческаго, и именно, отъ Дорійскаго нарѣчія; но теперь изъ сравненія онаго съ древнимъ Индійскимъ оказалось, что они оба исходятъ отъ одного источника, состоятъ въ равномъ отношеніи къ прочимъ языкамъ, и что Латинскій языкъ перѣдко сохранилъ свой корень лучше и яснѣе Греческаго, который по гибкости и разнообразію своихъ формъ, удалялся болѣе отъ первобытнаго корня. Равнымъ образомъ и сходство обоихъ языковъ съ Персидскимъ и Германскимъ, было уже прежде замѣчено нѣкопными Учеными, хотя впрочемъ это доказано достоверно только въ нынѣшнемъ столѣтіи, когда изученіемъ древнѣйшихъ Германскихъ нарѣчій первоначальное ихъ образованіе въ *Готскомъ* сдѣлалось извѣстнымъ, и было развито грамматически. Помощію этихъ изслѣдованій, пріобрѣтшихъ въ грамматическихъ трудахъ *Иакова Гримма* (1) прочное, надежное основаніе, получили

(1) Смолр. его Грамматикку, подъ заглавіемъ: *Deutsche Grammatik*, Göttingen. 4 Тома, 1837 года.

необходимую ясность не только разные древнѣйшіе идіомы Германскіе, дополъ почти неизвѣстные, но даже обоюдное ихъ отношеніе къ сроднымъ кругамъ языковъ Индіи, Персіи, Греціи и Рима.

4) Опрасль *Германскихъ* языковъ примыкающая какъ четвертая вѣтвь къ семейству Индійскаго языка, занимаетъ всю Западную половину Европы. Къ ней принадлежатъ: 1) *Готскій* языкъ, когото значительные опрывки имѣются донынѣ въ переводѣ Библии на Готскій языкъ Архіепископомъ *Улфилою* въ IV столѣтіи; 2) *Верхне* и *Нижне-Нѣмецкое* нарѣчіе древняго и новаго времени; 3) *Англо-Саксонское*, служащее основаніемъ нынѣшнему Англійскому языку; 4) *Исландское*, на коемъ изданы пѣсни *Эдды* сѣвернаго баснословія 5) *Шведское* и *Датское*. Сродство Германскаго языка съ Санскрипскимъ примѣнилъ уже *Паулино а St. Bartholomeo* (1); а всѣ слѣдующіе знашоки Санскрипскаго языка ушвердили его; наконецъ *Бопль* ученымъ сличеніемъ грамматическаго устройства обоихъ во всѣхъ своихъ сочиненіяхъ, *Поттъ* (2) въ этимологическихъ изслѣдованіяхъ, и *Граффъ* (3) въ своемъ

(1) Въ сочиненіи подъ заглавіемъ: *De antiquitate et affinitate linguarum Zendicae, Sanscriticae et Germanicae*. Padoviae 1798 года, въ которомъ 60 Нѣмецкихъ словъ сличены съ Санскрипскими.

(2) Смолр. твореніе подъ заглавіемъ: *Etymologische Forschungen auf dem Gebiete der Indogermanischen Sprachen, mit besonderem Bezug auf die Lautumwandlungen im Sanskrit, Griechischen, Lateinischen, Lithauischen und Gothischen von D. Aug. Friedr. Pott. Lemgs 1833 — 36, 2 Bände.*

(3) Смолр. его Лексиконъ подъ заглавіемъ: *Althochdeutscher Sprachschatz oder Wörterbuch der althochdeutschen Sprache, Berlin 1835 — 38, 2 Theile.*

Лексиконъ древняго Мейссенскаго нарѣчія, успранили всякое въ томъ сомнѣніе. Изъ древнѣйшихъ Германскихъ нарѣчій развились въ Среднихъ вѣкахъ, смѣшаніемъ съ Римскимъ языкомъ, пакъ называемые *Романскіе*, п. е. новые языки *Италіи*, *Испаніи*, *Португаліи* и *Франціи*, пакъ что они уже посредственно относятся къ Санскрипскому.

5) Съ вѣтвію Германскаго языка можно сравнить наконецъ, касательно его древности, объема, развитія и богатства словъ, нѣкую вѣтвь Индійскаго языка — языкъ *Славянскій* во всемъ разнообразіи его нарѣчій, занимающій всю Восточную половину Европы, и въ видѣ Русскаго языка простирающійся до Внутренней Азіи. Эта вѣтвь, даже въ географическомъ отношеніи, приближалась опять къ Санскрипскому, достойно заключаешь цѣлый кругъ сродныхъ между собою отраслей языковъ. Различныя Славянскія нарѣчія и идіомы слишкомъ извѣсны изъ Грамматики *Грега* и *Добровскаго*, чтобы здѣсь въ особености исчислять ихъ подробно. Ихъ сродство съ Санскрипскимъ языкомъ предчувствовали уже давно, какъ замѣчено выше, а потомъ доказали *Аделунгъ*, Харьковскій Профессоръ *Дорнъ* (1) и даже Нѣмецкіе Ученые, *Бопль*, *Поттъ*, *Боленъ* и другіе; наконецъ это сродство указалъ *Грегъ* въ многихъ мѣстахъ своей Просиранной Грамматики,

(1) Въ сочиненіи подъ заглавіемъ: De affinitate linguae Slavicae et Sanscritae exposuit J. Alb. Bernhardus Dorn. Въ Харьковѣ, 1855 года.

въ особенності же при сравнительномъ изложеніи: мѣстоименій (спр. 240) и глагола *быть* (спр. 286). Славянскій языкъ сохранилъ даже свое сродство съ Санскритскимъ вѣрнѣе, нежели Германскій, такъ что знакою при этомъ и Липовскомъ діалектѣ, лежащемъ между обоими, вездѣ встрѣчается удивительное сходство; между тѣмъ сродство Германскихъ нарѣчій съ Санскритскимъ языкомъ болѣею частію замѣчается въ ихъ согласіи съ Готтскимъ, древнѣйшимъ Германскимъ нарѣчіемъ, намъ теперь извѣстнымъ.

Изъ этого краткаго обозрѣнія явствуетъ, что сіе великое семейство языковъ съ полнымъ правомъ носитъ на себѣ названіе *Индо-Европейскаго*: ибо оно простирается по всей Южной Азіи и по всей Европѣ, за исключеніемъ немногихъ полосъ земли, обитаемыхъ народами *Маджарскаго* и *Финскаго* происхожденія, коихъ языки ближе примыкають къ языкамъ Верхней Азіи, какъ то, къ *Монгольскому*, *Тибетскому* и *Китайскому*, нежели къ Индійскимъ. Сродство вышесказанныхъ пяти семействъ языковъ со всѣми отраслями ихъ нарѣчій не есть однако наружное, случайное, возникшее заимствованіемъ словъ изъ одного въ другой при историческихъ между собою сношеніяхъ этихъ народовъ, или основанное на случайномъ во многихъ словахъ сходствѣ звуковъ; оно не зависитъ и отъ общаго происхожденія всѣхъ, говорящихъ имъ племенъ: ибо оно тѣсно сопряжено съ сущностію языковъ, касается ихъ корней, равно какъ грамматическаго устройства всѣхъ частей рѣчи. Уже теперь, при самомъ такъ сказанъ началѣ изслѣ-

дованія, число пожеспвенныхъ корней оказы-
 ваеися весьма значительнымъ, какъ по доказы-
 ваютъ сочиненія *Боппа*, *Потта*, *Граффа* и
 другихъ, а касательно Славянскаго языка, (копко-
 рый по незнанію Славянскихъ нарѣчій эшими Пи-
 сателями, или почти вовсе не былъ сравниваемъ,
 или сравниваемъ былъ только мимоходомъ) пво-
 ренія *Аделунга* и *Дорна*, изъ коихъ послѣдній,
 начиная съ 128 спираницы своего пворенія, собралъ
 болѣе 80 Санскритскихъ корней съ пожеспвенными
 Славянскими. Указывая на оныя на случай дальнѣй-
 шаго изысканія, мы удовольствуемся объяснить
 вышесказанное не многими примѣрами словъ, копо-
 рые сохранили во всѣхъ главныхъ опрасляхъ такое
 между собою сходство, что даже не зная законовъ
 звукоизмѣненій, шѣсно сопряженныхъ съ языками,
 ихъ можно бы узнать безъ затрудненія. На при-
 мѣръ, можно бы сравнить Санскритскіе корни:
dā (дать), по Персидски *دادن* *дэдень*, по Гречески,
 съ усугубленіемъ, *δι-δέ-ναι*, по Латыни
da-re, по Славянски *даю*, *дать*; и настояще
dādami, даю, по Греч. *δίδωμι*; — *sthā* (стоять),
 въ настоящемъ *ti-sthāmi* (стою), по Перс. *استادن*
истадень; по Греч. *στη*, *ἵστημι*, по Латын. *stare*,
 по Слав. *стать*, по Герм. *stahn*, *stehen*; —
bhṛgi, *носить*, по Перс. *بردن* *бурдень*, по Слав.
беру, *братъ*; по Гоптоски *baira*, по Греч. *φέρων*,
 по Латын. *ferre*; — *mṛgi* (умереть), по Перс. *مردن*
мурдень (повелительное *میر* *мірь*), по Латын. *morī*,
 на Греческомъ съ смѣшиваніемъ губныхъ буквъ:

м и б: βρότος смертный; — *ná* (въ спрадап. pije) пипь, по Греч. πίνειν, по Лат. *bibere*, *potare*, по Перс. *باد* *bádeh* вино, (пипье); *í* (иппи), *émi* (иду), по Перс. *آيم* *ajem* по Греч. *ίέναι*, *είμι*, по Лат. *ire*; — *plu* (plave) ппышь; по Греч. *πλείσω*, *πλέω*, по Лат. *flus*, по Слав. *плавать*, по Герм. *fließen*; — *dschna* знапть, по Греч. *γνώμι*, *gnosco*, по Готич. *kan*, на древнемъ Нѣмецкомъ *chan* — и шакъ далѣ. Сверхъ того надо бы сравнивать имена какъ по: *dakschiná* на Зенд. *dáschina*, на Греч. *δεξία*, по Лат. *dextra*, по Славян. *десница*, по Готич. *taihsvó* (правая рука); — *dohitr*, на Зенд. *dughdar*; на Перс. *دختر* *dòhiter*, по Греч. *θυγάτηρ*, дочь (дочери), по Готич. *dauthar*, на древнемъ Нѣмецкомъ *tohtar*, *Tochter*; — *bhrátr* на Зенд. *brátar*, на Перс. *برادر* *bráder*, по Слав. *братъ*, по Лат. *frater*, по Готич. *bróthar*, по Нѣм. *Bruder*; — *madhu*; (медъ) на Зенд. *madhu* (малу) вино, по Греч. *μέθυ*, по Нѣм. *Meth*; — *dvár*, дверь, *θύρα*, *fores*, *Thüre*, по Готич. *daur*, на древнемъ Нѣмецкомъ *Tor*, *Thor*; — *navas* новый, *novus*, *νέος*, и многія другія. — Мы не хотимъ умножать число примѣровъ, потому что всякій найдетъ ихъ въ вышесказанныхъ пвореніяхъ и что одни слова не въ состояніи служить важнымъ доказательствомъ равнаго происхожденія языковъ: ибо, какъ между прочимъ *Бопль* (1) весьма пра-

(1) Слич. его сочиненіе подъ заглавіемъ: *Vergleichende Zergliederung des Sanskrits und der mit ihm verwandten Sprachen*, нахо-

вильно замѣнилъ, часто въ одномъ сполѣтїи, языкъ народа еще мало образованнаго въ своихъ видахъ, до такой степени исполняется словами содѣлственныхъ языковъ, что едва возможно отличить коренное отъ прїимси. Напримѣвъ того, грамматическія формы, составляющія существенную часть языка, не могутъ быть переносимы изъ одного языка въ другой такъ, чтобы онѣ совершенно сроднились съ его духомъ. Для примѣра вышесказаннаго сродства языковъ, прилагается сравненіе настоящаго времени глагола *быть*.

дѣющееся въ разсужденїяхъ Берлинской Академіи Наукъ (Abhandlungen der Berliner Akademie der Wissenschaften), 1824 года, стран. 123.

По Санскр.	По Персид.	По Славян.	По Гречески.	По Латин.	По Готич.	По Къмед.
Единств. asti	ام (амъ)	есмь	εἶμι (опъ εσμι)	sum	im	bin
asi	ای (i)	еси	ἔσσι (Аппичес.)	es	is	bist
asti	است (эспъ)	еспь	ἔσσι	est	ist	ist
Множ. sthas	ایم (имъ)	есмы	{ εσμεν } { εἰμεζ (Дорій.) }	sumus	sijum	sind
stha	ایر (идъ)	еспе	ἔστε	estis	sijuth	seid
santi	انر (эндъ)	супь	ἔντι (Дорійски)	sunt	sind	sind
Двойств. svas	—	есва	—	—	siju	—
sthas	—	есна	ἔστων	—	sijuts	—
stas	—	еспа	ἔστων	—	—	—

То же сходство замѣчается во всѣхъ частяхъ Грамматики, (особенно же въ спряженіи глаголовъ и въ склоненіи именъ) и въ языкахъ Славянскомъ, Греческомъ и Латинскомъ, сохранившихъ одинакія съ Санскритскими грамматическія окончанія; оно здѣсь еще разительнѣе, нежели тамъ, гдѣ окончанія уже изгладились какъ по въ Новоперсидскомъ и Нѣмецкомъ языкахъ, въ которыхъ надежи имеютъ образуясь чрезъ присоединеніе къ нимъ предлоговъ и членовъ, а спряженіе глаголовъ преимущественно чрезъ вспомогательные глаголы.

Съ Индо-Европейскимъ языкомъ можно сравнивать какъ въ отношеніи вѣшнему, т.е. по исторической важности, глубокой древности и распространенію, такъ и во внутреннемъ богатствѣ словъ и Словесности, — языкъ *Семитическаго* корня, получившій свое названіе отъ *Сима*, сына Ноева, когото попомни большею частію говорили на разныхъ его нарѣчіяхъ, и проспирившійся нѣкогда отъ береговъ Тигра до Средиземнаго моря, а посредствомъ Финикійскихъ поселеній по приморскимъ полосамъ Сѣверной Африки, до древнихъ *Фарсиса* и *Гадеса* въ Испаніи. Нынѣ эпопъ языкъ распространенъ вмѣстѣ съ Магомешанскою Религією въ большей частии Африки и Азии. Его раздѣляють на три большія отрасли, въ помѣ числѣ языкъ *Еврейскій* смѣшенный съ *Финикійскимъ* и *Пуническимъ* нарѣчіями въ *Картагенѣ* и *Фарсисѣ*, вышедшій изъ употребленія еще въ IV. столѣтіи до Рожд. Хр. Сей главный діалектъ, богатствомъ словъ и развитіемъ своимъ, занимаетъ средину между весьма бѣднымъ и мало обработаннымъ

Арамейскимъ, и весьма богатымъ и чрезвычайно образованнымъ языкомъ *Арабскимъ*, находясь по среди эпихъ, сродныхъ съ нимъ нарѣчій и въ географическомъ отношеніи. На Сѣверѣ и Воспокъ смѣшался онъ съ *Арамейскимъ* нарѣчіемъ, такъ называемымъ по слову *Арамъ* пл. е. высокая земля, подъ коимъ Еврея разумѣли всѣ земли, лежащія между Ливаномъ, Финикією и Палестиною къ Западу, Аравією къ Югу, Тигромъ къ Воспоку и Тавромъ къ Сѣверу. Въ воспочныхъ частяхъ эпихъ областей — Месопотаміи и Вавилоніи — говорили на немъ, какъ на *Халдейскомъ* языкѣ; въ Западныхъ, а именно, въ Пальмирѣ и Дамаскѣ, какъ на *Сирійскомъ* нарѣчій. Цвѣтущее состояніе его относится ко временамъ Христіанскимъ. На Югѣ языкъ Еврейскій граничилъ съ *Арабскимъ*, копорый уже въ древнія времена, будучи развитъ у Арабскихъ племенъ независимо другъ отъ друга жившихъ, сдѣлался въ Магомешово время однимъ изъ самыхъ богатыхъ и замѣчательныхъ Словесностью своею языковъ; между тѣмъ оспашокъ болѣе древняго, изъ самой Аравіи изгнаннаго *Гиміаритскаго* нарѣчія, сохранился въ языкѣ *Эіопскомъ*, на коемъ, (нынѣ называющъ его *Геецомъ geez*), существуютъ не только переводы Библии, но даже историческія и другія творенія, хотя впрочемъ въ XIV столѣтіи онъ превратился въ народное нарѣчіе *Амгори* (Amhari).

Въ нѣкоторыхъ словахъ и выраженіяхъ понятій, Ученые находили давно сходство между корнями Санскритскаго и Семитическаго языковъ. Англичанинъ *Галедъ* (Halhed), первый изъ Евро-

пейцевъ , выучившись Санскритскому языку , примѣнилъ также его сходство съ Арабскимъ. Это незначительное сходство однако уменьшается существеннымъ различіемъ корней обоихъ языковъ , такъ , что сужденіе *Фридриха Шлегеля* , (въ пвореніи его объ языкъ и мудрости Индійцевъ): «Еврейскій языкъ ни мало не сроденъ съ Санскритскимъ» , нашло довольно общее одобреніе. Величайшій знапокъ Еврейскаго языка , Галльскій Профессоръ Гезеній (*Gesenius*) , замѣнилъ въ 1827 году (1) , что Семитическій языкъ вообще только въ нѣкоторыхъ корняхъ сходенъ съ древнѣйшими первообразными языками Восточной Азіи : Зендскимъ , Пелеви и Санскритскимъ , и въ доказательство пому сообщилъ 18 словъ , изъ коихъ однако многія не были свойственны первоначально Семитическому языку , а только при сношеніяхъ Семитовъ съ Восточно-Азіатскими народами , перенесены изъ ихъ языковъ. *Гезеній* , продолжая послѣ сличенія свои , открылъ болѣе дѣйствительно сродныхъ корней и объяснилъ ихъ. При всемъ томъ между извѣстнѣйшими Оріенталистами , какъ по: *Вильгельмомъ Шлегелемъ* , *Францомъ Боппомъ* и *Вильгельмомъ Гумбольдтомъ* господствуетъ донынѣ одно убѣжденіе въ совершенной разности корней обоихъ языковъ , а именно: что въ семействѣ Санскритскаго языка корни односложны , и что не только способны къ сло-

(1) Въ пространной Грамматикѣ , подъ заглавіемъ : Ausführliches Grammatiko-Kritisches Lehrgebäude der hebräischen Sprache , mit Vergleichung der verwandten Dialekt , ausgearbeitet von Wilhelm Gesenius. Leipzig 1817.

женію, но почти эпимъ единственно развиваются и образуютъ Грамматику; напротивъ въ Семитическомъ языкѣ корни двусложны, или состоятъ изъ трехъ необходимыхъ согласныхъ буквъ, на коихъ исключительно основывается означеніе корней, такъ что гласныя въ Санскритскомъ для означенія корней въ высшей степени важны, въ Семитическомъ же, для уразумѣнія корней будучи совершенно незначительны, опускаются. По этому разница двойная: *первая* касается числа коренныхъ слоговъ, поелику корни въ Санскритскомъ односложны, а въ Семитическомъ двусложны; *вторая* основная разница заключается въ отношеніи согласныхъ буквъ къ гласнымъ для означенія коренныхъ словъ.

Разсматривая ближе это двойное различіе, мы легко удостоверимся, что различіе въ числѣ коренныхъ складовъ есть вѣчно совершенно наружное и само по себѣ не въ состояніи утвердить основной разности корней обоихъ языковъ. Памятники Семитическаго языка въ нѣмъ видѣ, въ коемъ они являются намъ, заключаютъ конечно большое множество корней, состоящихъ изъ двухъ или трехъ согласныхъ. Впрочемъ даже теперь отличнѣйшіе изслѣдователи Семитическаго языка, Гезеній, Эвальдъ (1) и другіе сознаются, что это состояніе корней не есть первоначальное, но принадлежитъ второй эпохѣ образованія языка.

(1) Въ Арабской Грамматицѣ, подъ заглавіемъ: Georgi Henrici Aug. Ewaldi Grammatica critica linguae Arabicae. Lipsiae 1831, въ I Части, § 147 — 149.

Правильность этого мнѣнія явствуетъ изъ того, что въ Семитическомъ языкѣ, по всемъ его нарѣчiямъ, встрѣчается множество односложныхъ словъ для самыхъ простыхъ понятiй; какъ по אב (абъ) отецъ, אמ (эмъ) мать, אח (ахъ) братъ; בן (бенъ) сынъ; какъ и многiе односложные корни глаголовъ, какъ по: בין (бинъ) замѣшпшь, שימ или שימ (симъ или сумъ) поснавивпш', קימ (кумъ) спояпшь; שוב (шубъ) (или תיב шубъ, תוב טאב (тааба, таваба въ Арамейскомъ и Арабскомъ) возврапипшь и проч. Сверхъ того можно даже по нѣкоторымъ историческимъ слѣдамъ доказать, какъ уже и доказано касательно Еврейскаго языка *Гезеніемъ*, въ новѣйшимъ его трудахъ грамматическихъ и лексическихъ (1), что многiя двусложныя слова усугубленiемъ одной согласной буквы, или же присовокупленiемъ сродной согласной, образованы изъ первоначальныхъ односложныхъ корней: такъ произошли напримеръ: изъ корня קצ (кацъ), содержащаго понятiе *рубить*, глаголы *קצץ* (кацацъ) и *קצר* (каца) разрубить; *קצב* (кацабъ) опрѣзать; *קצרץ* (кацацъ) отрубить; *קצרר* (кацаръ) срѣзать, въ аллегорическомъ смыслѣ: рѣшишь. Эти односложныя корни, какъ по *קצ* и другiе, хотя не находясь болѣе въ спискахъ языка, намъ переданныхъ; однако дѣйствительность подобнаго хода

(1) Слич. его: *Lexicon manuale hebraicum et chaldaicum*, Lipsiae 1833, и его: *Hebräische Grammatik*. Halle 1851.

при языкообразованіи доказываеися въспрѣчаемымъ въ пвореніяхъ Еврейскихъ, Арабскихъ, Сирійскихъ, Халдейскихъ и Эѳіопскихъ дальяѳшимъ образованіемъ двусложныхъ корней въ прехъ-сложныя, чепырехъ-сложныя и ппчисложныя слова, частію по-мощію присовокупленія согласной буквы, или вклю-ченія оной въ средину словъ, частію посредствомъ сліянія двухъ корней, состоящихъ изъ прехъ со-гласныхъ, въ одно слово, гдѣ обыкновенно выбра-сывалась одна согласная буква. Изъ этого образо-ванія можно даже показать постепенное развитіе разныхъ Семипическихъ нарѣчій. Еврейскій языкъ, котораго Словесность древнѣ Арабской и еще болѣе Сирійской и Эѳіопской, имѣетъ значи-тельно менѣе прехъ-сложныхъ словъ, нежели Араб-скій и Эѳіопскій (1). Принимая въ соображеніе по существенное обстоятельство, что однослож-ные корни глаголовъ въ первообразѣ Санскрит-скаго языка по всѣмъ его опраслямъ въ дѣйствител-ности не существуютъ, но отсрываются только по-му, что занимается Грамматикою теоретическимъ образомъ, мы не можемъ вовсе не опираться на то, что въ Семипическомъ языкѣ односложные корни не существуютъ болѣе въ дѣйствительности. Вотъ почему *Вильгельмъ Гумбольдтъ* не безъ основанія почитаетъ различіе, замѣчаемое въ числѣ коренныхъ слоговъ между обоими языками неважнымъ и принимаетъ за

(1) Множество доказательствъ этого доставляютъ сочиненія *Гезеніа* (*Lehrgebäude der hebr. Sprache*, стр. 861) и *Гупфелда* (*Hupfeldi exercitationes aethiopicae*, Lipsiae 1824, pag. 24 seq.

вѣроятное, что даже въ Санскритскомъ, съ самаго начала, современно съ односложными корнями, принимаемыми по многочисленности своей за правило, были нѣкоторыя двусложныя, частію по той исторической причинѣ, что въ Санскритскомъ, не смотря на всѣ усилія Индійскихъ Грамматиковъ — относить всѣ слова къ односложнымъ корнямъ — существуетъ еще 13 корней глаголовъ, кои, не подчиняясь закону односложности, имѣютъ видъ двусложный, хотя впрочемъ въ нихъ и не замѣтно слѣдовъ сложности; частію по общей философской причинѣ: ибо если бы всѣ слова безъ исключенія были первоначально односложны, то не лзя бы изъяснить перехода изъ односложныхъ корней къ словамъ двусложнымъ. Такія существенныя измѣненія въ языкѣ никогда не совершаются случайно, но по извѣстнымъ законамъ (1). Посему мы должны предполагать въ первоначальномъ положеніи обоихъ корней языковъ смѣшенія односложныхъ и двусложныхъ словъ, при чемъ однако имѣютъ перевѣсъ односложныя. Ибо разсматривая языкъ какъ произведеніе человѣческаго духа, образованное способностію, врожденною человѣческой природѣ, мы едва въ состояніи иначе представить себѣ изобрѣтеніе и образованіе словъ, какъ посредствомъ впечатлѣній, произведенныхъ наружными и внутренними средствами

(1) Слич. сочиненіе Гумбольтта, подъ заглавіемъ: Einleitung über die Verschiedenheit des menschlichen Sprachbaus und ihren Einfluss auf die geistige Entwicklung des Menschengeschlechts, § 28, въ Берлицѣ 1856 года,

на духъ, такъ что звукъ, вызванный изъ груди живоспію впечатлѣнія, породилъ слово. Если бы всякой предметъ дѣлалъ только одно впечатлѣніе на душу, то вѣроятно всякое понятіе выражалось бы только односложнымъ словомъ. Однако многіе предметы возбуждаютъ въ душѣ два или три впечатлѣнія, кои были уже вначалѣ выражаемы двумя звуками, или двусложными словами.

Еще явственнѣе другое различіе въ сущности корней обоихъ языковъ, которое, сколько мнѣ извѣстно, еще ни однимъ испытателемъ не объявлено удовлетворительно. Въ языкъ Санскритскомъ гласная буква составляетъ существенную принадлежность корня, такъ что отъ ея измѣненія часто перемѣняется значеніе слова. Для примѣра можно взятьъ Греческіе глаголы: *δέω* вязать, *δόω* давать, *δύω* наклонить, погрузить, омочить, въ которыхъ одна гласная: *ε*, *ο*, *υ*, совершенно перемѣняютъ значеніе. Въ Санскритскомъ языкѣ нѣкоторые корни состоятъ даже изъ одной согласной буквы, какъ по: (*ṛ*) илши, по Лапыни *ṛṣe*. Въ Семитическомъ, по обыкновенному взгляду, значеніе коренныхъ словъ основывается исключительно на согласныхъ: такъ напр. согласныя буквы *כ*, *ק*, *ל* (к., п., л.) означаютъ *убить* и выражаютъ, по различному произношенію согласныхъ, другіе виды этого слова, напр: *каталь* онъ убилъ; *катуль* убишый; *котель* убивая; *кетель* (*כֶּתַל*) убійство, и п. д. — Должно ли считатьъ это различіе *неизгладимымъ*? Это подлежитъ сомнѣнію потому, что множество Семитическихъ

корней, опущеніемъ согласной буквы, или сокращеніемъ прехъ согласныхъ (при чемъ выбрасывается гласная) превращаясь въ одну первоначальную, сливается съ корнями Санскрипскими. Нѣкоторые примѣры объяснятъ это: לָחַח (лахахъ, лахъ) лизать; по Санскрипски (лихъ), по Гречески λείχω, по Латинѣ *lingo*; — גָּלַל (галаль, галль) равенъ Греческому κίλλω, κέλλω, κυλίω, volvo, wallen (валяль), quellen; — חָרַשׁ (харашъ), по Персидски کَارِیدَن (каридень), по Испаліянски grattare, по Французски gratter, kratzen (царапать); — טָפַח (шафахъ или шапахъ) tapperen (ощупывать), на Санскрипскомъ языкѣ съ перемѣщеніемъ согласныхъ буквъ (*падъ*) нога, (*пата*) ходъ, по Греч. πάτος, πατέω, ποδός, ποῦς по Нѣм. Fuss. — Желаящіе починать ихъ звукоподражательными (*ὀνοματοποιήτικα*), и опнятъ у нихъ *доказательную силу*, могутъ сравнить слѣдующіе Семипическіе глаголы съ соотвѣтствующими Санскрипскими: а) Еврейскіе בָּעַל (бааль) господствовать, съ Санск. *паль*; לִיט (лупъ) покрыть, съ Санскр. (*лудъ*); — עִיץ (уфъ) лепить съ Санскр. (*авъ*); — אָבַח (даабъ) исчезать съ Санскр. (шапъ); — אָחַל (азаль) ипши, съ Санскр. (*заль*); — אָחַח (апа) припши съ Сан. (*атъ*); — פָּרַח (фара) плодотворишь и פָּרִי (фери) плодъ, съ Санскр. (*бри, bhri*), — חָרַשׁ (харашъ) орать съ Санскр. (*кришъ*); שָׁמַר (шамаръ) сохранишь съ Санскр. (*смаръ*) и такъ далѣ; б) Арабскіе قَالَ (каала) звать, съ Санскрипскимъ (*каль*) — سָאס (саса) приказать, съ Санскр. (*сасъ*); — سָאל (сала) печь, съ Санск. (*саль*); — سָאר

(сара) ходишь съ Сан. (*сри*); نرا (нада) звать съ Санск. (*надъ*); مشى (машаі) прохаживаешься, съ Санск. (*мажъ*); ترق (шарака) оставишь, съ Санск.

(*тракъ*) и многія другія слова. Кроме того, множество Семипическихъ именъ вмѣсто первообразныхъ значеній имѣють одно значеніе съ Санскрипскими, напр: שן (эшь) огонь съ Санскр. (*ушь*) жечь; — שן (ишь) мужъ (*иза*); — נעל (нааръ) юноша (*нара*); — שן (шенъ) или הן (пенъ) (*данта*) зубъ; — קרן (керень) рогъ (*карна*); — סלע (зела) скала (*зила*); הן (афъ) шакже (*апи*); — Халдейское שרן (шера) (*дварь*) дверь и проч. — Число до сихъ поръ показанныхъ, равныхъ между собою коренныхъ и другихъ словъ, весьма значительное въ семействѣ Семипическаго и Индо-Европейскаго языковъ и будетъ еще возрастать, если оспашки той опрадали Индо-Европейскаго языка, на которой говорили въ земляхъ сопредѣльныхъ съ полосами, обитаемыми Семипическими племенами, сдѣлающія болѣе извѣстными; мы разумѣемъ здѣсь языки древней Персіи, *Зендскій* и *Пельви*, которые у насъ очень мало извѣстны. Въ *Пельви* находишь множество словъ, кои, если отбросишь въ нихъ окончаніе *natan* (напанъ) получаютъ одно значеніе съ Еврейскими. Сравнимъ только слѣдующія слова: פן (афа) варишь и *afu-natan* (аффунапанъ); שן (шака) пить и *schaku-natan* (шакунапанъ); שן (шабакъ) полагать и *shavki-natan* (шакунапанъ); פן (позакъ) разрѣзать и *pashu-natan* (пазкунапанъ); מית (мушь) умереть и *maitu-natan* (майпунапанъ); משר (машаръ)

дождать и *matru-natan* (мапрунанапъ); Сирійское (регець *rehet*) и *ratu-natan* (рапунапанапъ) и п. д. — При этомъ множествѣ равныхъ словъ первоначальное единство Семитическаго и Санскритскаго языковъ едва ли подлежитъ большому сомнѣнію. Если даже, по основательномъ изслѣдованіи, оспаяются еще многіе Семитическіе корни, для коихъ не опыщуся въ Индо-Европейскихъ языкахъ соотвѣтствующіе, и на оборотъ: по изъ этого не возможно вывести убѣдительнаго заключенія о первоначальной ихъ разности: ибо во-первыхъ семейства этихъ языковъ, со времени раздѣленія своего, претерпѣли столь многія измѣненія, что первоначальный ихъ видъ и объемъ никогда не можетъ быть истинно и вполнѣ изъясненъ. Мы уже замѣтили предварительно, что языки непрерывно развивались, и потому въ семействѣ одного языка многія слова и виды ихъ могутъ въ теченіе времени поперяться, не оставивъ никакихъ слѣдовъ, кои однако сохраняются въ другомъ. Это касается Индо-Европейскихъ гораздо болѣе, чѣмъ Семитическаго, потому что сей послѣдній надѣленъ болѣе постоянными свойствами, нежели первый. Вотъ причина, почему особыя нарѣчія Семитическія имѣютъ между собою болѣе сходства въ словахъ и грамматическихъ видахъ, нежели разныя отрасли семейства Санскритскихъ языковъ. — Раздѣленіе этихъ двухъ языковъ относится ко временамъ предъ-историческимъ, когда древнѣйшіе народы оставили общее свое опечество. Мы находимъ Семитическій языкъ со времени Моисея съ 1500 года до Р. Х., въ главныхъ отношеніяхъ,

въ его совершенно развитомъ положеніи, съ двусложными коренными словами. Когда именно Санскритскій языкъ достигъ полного образованія своего, не лзя опредѣлить въ точности. Древнѣйшіе, намъ извѣстные памятники, *Веды*, простираются до Моисеевыхъ временъ. Періодъ цвѣтущаго состоянія Санскритской Литературы относится къ первому Христіанскому вѣку, когда въ дворцѣ *Раія Викрамидитя* жили девять Индійскихъ Поэтовъ, изъ коихъ знаменитѣйшій *Калидаза*, сочинилъ славной *Саконталы*. Къ болѣе опдаленнымъ временамъ относятся объ великія Эпическія Поэмы: *Рамаяна*, сочиненная *Вальмикомъ*, и *Магабгарата*, писанная Поэтомъ *Віазою* (Вуазэ). Если мы приишемъ древнѣйшія творенія Санскритскія временамъ отъ 1500 до 1200 до Р. Х., то со времени опдѣленія семействъ сего языка отъ Семипическихъ, вѣроятно прошло цѣлое тысячелѣтіе, не оставившее намъ памятниковъ ни одного, ни другаго языка, которые бы могли быть между собою сравниваемы. — Сверхъ того надобно знать, что вѣкъ семейства Индо-Европейскаго языка, ближайшаго къ Семипическому по древности своей и по географическому положенію, и. е. *Зендскій*, имѣеть споль мало памятниковъ, избѣгнувшихъ разрушительнаго дѣйсвія времени, что мы даже тогда не будемъ въ состояніи ознакомиться съ его объемомъ, когда всѣ оспалки эпои опрали, еще въ Азіи существующіе, сдѣлаются намъ извѣстными. Даже въ Санскритскомъ языкѣ, надѣленномъ богатую Словесностью, едва ли сохрани-

лись всё сокровища его Словесности. То же самое можно сказать о семействѣ Семитическихъ языковъ, а именно о Еврейскомъ, который въ особенностяхъ по высокой древности своей заслуживаетъ вниманіе. Изъ твореній, писанныхъ на Еврейскомъ языкѣ, мы имѣемъ только священныя, кошорыя, натурально, содержатъ въ себѣ еще не все богатство языка. Но этимъ причинамъ не должно намъ надѣяться обстоятельно доказать совершенное равенство между корнями семействъ обоихъ языковъ, и надобно довольствоваться возможностью, изъ большей части родныхъ и подобныхъ словъ, вывести заключеніе о пожатствѣ цѣлаго.

Къ этому заключенію приводятъ насъ результаты наблюдений, до сихъ поръ сдѣланныхъ: ибо разности, о коей мы сказали, столь тѣсно соединена съ сущностию обоихъ языковъ, что въ Санскрипскихъ корняхъ гласная буква необходима для значенія, а напротивъ того въ Семитическомъ языкѣ, знаменованіе корня основываемое на согласной, можетъ исчезнуть и изгладиться. Проникая глубже въ свойство сей разности, я надѣюсь доказать это. — Прежде всего надобно обратитъ вниманіе на то, что самое различіе въ видѣ, представляемомъ намъ Санскрипскими Филологами, не есть исключительное. Оно не состоитъ въ томъ, чтобы въ семействахъ Индо-Европейскаго языка означеніе корня основывалось единственно на гласныхъ буквахъ, какъ въ Семитическомъ на согласныхъ. Величайшіе знатоки Санскрипскаго языка утверждаютъ, что гласная буква существенна для значеній, п. е.

значеніе кореннаго слова зависить отъ связи извѣстныхъ согласныхъ буквъ съ опредѣленною гласною; такъ въ вышеприведенныхъ примѣрахъ *д'эω*, *д'оω*, *д'уω*, значеніе слова зависить не отъ гласныхъ *ε*, *ο*, *υ*, но отъ цѣлыхъ словъ. — Чтобы однако получить ясное понятіе объ отношеніяхъ корней обоихъ языковъ между собою, мы должны изложить нѣкоторыя предварительныя замѣчанія.

Въ семействѣ Индо-Европейскаго языка корни яснѣе видны въ Санскритскомъ. Индіецъ, охотно философствующій обо всемъ, размышляя съ самаго начала о своемъ языкѣ; переходя предѣлы дѣйствительности, онъ освобождалъ глаголы отъ ихъ сослагательныхъ видовъ, и такимъ образомъ достигъ помощію отвлеченія до простыхъ сопоставныхъ частей языка. Эти простые элементы, или корни, распределенные отечественными Грамматиками по алфавиту, помѣщены въ собраніяхъ первообразныхъ именъ, изъ коихъ два извѣсны въ Европѣ подъ названіемъ *Казината* (*Kaṣinātha*) и *Вонадевы* (*Vopadēva*), коими пользуясь одинъ Нѣмецкій Ученый (1) лѣтъ за десять предъ симъ, издалъ корни глаголовъ съ ихъ значеніями.

Корнями глаголовъ называютъ ихъ по примѣру Индійскихъ Грамматиковъ, хотя названіе это и неправильно, потому, что отъ нихъ происходятъ не только глаголы, но также большое число именъ. Такихъ корней первообразныхъ словъ вышесказаннаго Индійскія собранія содержатъ въ себѣ 2352,

(1) Профессоръ Розенъ (Rosen) въ твореніи, подъ названіемъ: *Radices Sanscritae. Illustratae* edidit Frid. Rosen. Berolini 1827.

къ коимъ присовокупляются еще 44 пакъ-называемые корни Саупра (Sautra). Они встрѣчаются въ грамматическихъ правилахъ (Sutras) Ученыхъ, въ особенности Панина (Pāṇini), древнѣйшаго изъ Индѣйскихъ Грамматиковъ. Все это число, вѣроятно, можетъ быть сокращено на половину, какъ скоро равнозначащѣ глаголы, измѣняющіеся по различнымъ спряженіямъ, подведутся подъ одну спашью. Чѣмъ самый языкъ, кажется, довольствовался гораздо меньшимъ числомъ корней, можно заключить изъ того, что въ швореніяхъ Санскритскихъ не находится никакихъ доказательствъ для 1845 корней: по этому существуетъ только 507 употребительныхъ корней, кои, сложенные съ частицами, производятъ безконечное богатство значеній. Сіи корни состоятъ изъ одной или двухъ, соединенно выговариваемыхъ и за одно починаемыхъ согласныхъ, съ предъидущими или послѣдующими гласными; напр. vā, іге, spīgare, вѣять, sthā, спашь; dschna, знать; pī, bībere, пить; plu, плере, плавать, плыть; ad, ядъ, яденіе или ѣденіе; или изъ многихъ согласныхъ съ одною гласною въ срединѣ, какъ по: pat, падашь; sad, садиться, sedere; val, валишь. Корней, состоящихъ изъ одной гласной буквы, считаютъ только два: ī, іге, иппи, и ī, желать. — Многие изслѣдователи однакожь опровергли сямъ послѣднимъ въ первообразности и приписываютъ ихъ явленіе сокращенію слова, опущеніемъ согласной буквы. Въ пользу этого мнѣнія говоритъ Аналогія Греческаго языка, гдѣ существуютъ корни глаголовъ, весьма сокра-

ценные въ Санскрипскомъ, напр. $a\acute{e}^{\omega}$, на Санск. *va*, вѣянь. Рачительное сличеніе всѣхъ Санскрипскихъ корней между собою обнаруживаетъ слѣды постепеннаго, дальнѣйшаго образованія корней, частію опущеніемъ согласной и пропяженіемъ гласной, частію усиленіемъ коренной гласной буквы. Сравните *mas* и *má*, мѣрянь, *ig*, *íg* и *í*, ипши (*ige*, *íeva*), *sthal* и *sthá*, споянь, *tug* и *tvar*, спѣшишь, *plu* и *plav*, плавать и п. д. Это дальнѣйшее развитіе корней въ Санскрипскомъ языкѣ должно быть древнее поному, что сродные языки раздѣляютъ между собою двойное семейство такъ, что одинъ удержалъ элонъ, а другой пошь видъ, что ясно видно въ Греческомъ *íeva*, и Латинскомъ *ive*. Даже въ нѣкоторыхъ глаголахъ Латинскихъ примѣтны проспые корни, усиленные уже въ Санскрипскомъ, какъ по: *sonare* (звучать) на Санскрипскомъ *svan*, звенѣть, звонить, *sonare* равно глаголу *сонѣть*, на Санскр. *svar*, храпѣть и проч. Наконецъ можно даже примѣнить въ Санскрипскомъ языкѣ нѣкоторое спремленіе, помощію усугубленія превращать корни въ двусложные, какъ по: *vevi*, желанъ, пребывать, *daridgá*, нуждаешься, и пропускашь основную гласную букву, какъ по: въ *ra*, *ri* и *riv*, пить, *pow* и *píw*, хопя она въ Санскрипскомъ языкѣ большею частію почти во всѣхъ видоизмѣненіяхъ сохраняется и позволяеть шолько усугубленіе посредствомъ формъ: Гуна (*Guṇa*) и Вридли (*Wridhi*), какъ Индійскіе Грамматики ихъ называютъ. Это значить пропяженіе, образующее изъ *i* — *í*, изъ *u* — *o* и *au* (*au*); напроливъ въ

сродныхъ языкахъ основная гласная проходишь весь рядъ гласныхъ звуковъ, какъ въ Нѣмецкомъ словѣ: brach, bräche, brechen, brich, gebrochen, bröckeln, Bruch, Brüche — явленіе, напоминающее перемѣну гласныхъ буквъ въ Семитическомъ языкѣ.

Для сличенія Санскритскихъ корней съ Семитическими, особенно важны еще два замѣчанія: 1) *a* есть главная буква въ самыхъ просныхъ Санскритскихъ корняхъ, а за нею слѣдуютъ *i* и *u*, которыя однакожь гораздо рѣже бывають коренными буквами; 2) что при корняхъ кончащихся буквами *i* и *u*, эти гласныя большею частію превращаются въ согласныя: *i* въ *ia* и *u* въ *ua*, наприм. изъ smi, смѣяшься, дѣлаешься smais, смѣюсь, изъ plu—plave, плавань. Буква *u* смягчается въ сродныхъ нарѣчіяхъ въ нѣкоторыхъ словахъ, такъ что даже совсѣмъ опускается, напр. *plé'ow* отъ *pléw* и проч.

Сравнивая Семитическіе корни между собою, мы встрѣчаемъ, какъ уже упомянуто, въ развитомъ состояніи сихъ языковъ еще коренныя слова, какъ то: глаголы בִּין (бинъ) замѣчать, שֵׁם (сѣмъ) полагать, сглаживать, קִים (кумъ) вспаивать, מִת (мушъ) умираетъ, при коихъ гласная буква составляетъ полношу корней и важна опносительно значеній. Впрочемъ число глаголовъ имѣющихъ коренное *i* или *u* въ срединѣ, не велико, да и нѣ причислены (по примѣру Раввиновъ) къ корнямъ, состоящимъ изъ трехъ согласныхъ, такъ что буквы *i* и *u* почитаются смягченными согласными: *Jod, Vau*. Хотя нынѣшніе Корифеи Семитическаго языкознанія отказались отъ этого заблужденія,

при всемъ томъ существуетъ у большей части изъ нихъ неясность и погрѣшности касательно отношенія гласныхъ буквъ къ согласнымъ въ Семипическомъ Алфавитѣ вообще, и изъ этого возникло мнѣнiе, будто въ Семипическомъ языкѣ всѣ коренныя слова состоятъ изъ согласныхъ буквъ безъ гласныхъ, не имѣющихъ, какъ полагаютъ, никакого влiянiя на корни. Извѣстно, что въ письменахъ всѣхъ Семипическихъ нарѣчiй существуютъ знаки гласныхъ буквъ, совершенно подчиненные собственнымъ буквамъ, и часто совсѣмъ опускаемые по тому, что знаменитъ языка не нуждается въ нихъ для чтенiя и уразумѣнiя словъ. Это породило въ Грамматикахъ Среднихъ вѣковъ ложное мнѣнiе, будто Семипическiй Алфавитъ состоитъ изъ однихъ согласныхъ и будто даже буквы *Алифъ* или *Елифъ* (*а*), *Иодъ* или *Ие* (*і*) и *Вауъ* (*и*, *вау*) первоначально были также согласными. Неосновательность этого мнѣнiя должна быть очевидна всякому, кто сколько нибудь обращалъ вниманiе на важность и высокое значенiе гласныхъ буквъ, которыя необходимы для выговора словъ. Следовательно Алфавитъ изъ однихъ согласныхъ состоящiй, былъ бы полуалфавитомъ, однимъ скуднымъ способомъ выражать слова для удержанiя оныхъ въ памяти. Если по надежнѣйшимъ свидѣтельствамъ древности (*і*), коихъ истина доказана новѣйшими изысканiями, Семипическое племя — *Вавилоняне* или *Финикияне* — изобрѣло письмо, которое получили

(1) Слѣж. Herodoti histor. lib. V, cap. 58. Plinii histor. natur. lib. VII, cap. 56.

опть нихъ Греки, по оно, вѣроятно изобрѣло бы также буквы для души языка, — для гласныхъ звуковъ. Такое мнѣше не можеть бышь принято, а даже и не вѣроятно, пошому, что не лъзя найти ни одной убѣдительной причины сего явления. Оно даже рѣшительно опровергаешся свойствами древняго Семишического Алфавина, коего разнородныя образованія опть самыхъ просныхъ и грубыхъ знаковъ на Вавилонскихъ кирпичахъ, до самыхъ красивыхъ буквъ четверугольнаго Еврейскаго письма, Арабскаго Нещи (Nischi) и Сирійскаго курсива, по сужденію Палеографовъ (1), находися въ связи между собою. Новѣйшія изслѣдованія (2) по этому предмету успрашили всякое сомнѣше, что древній Семишическій Алфавишь съ самаго начала имѣлъ знаки для основныхъ гласныхъ буквъ *a*, *i*, и *u*. Знакъ *a* спавился однакожь полько при первомъ звукѣ, ш. е. въ началѣ слога (im Anlaute); напротивъ того при окончаніи слога (im Auslaute), не спавили никакаго знака, но всякая согласная буква сама собою выговаривалась съ гласною *a*. Во всѣхъ древнихъ языкахъ, сохранившихъ первоначальный свой видъ, буква *a* имѣеть преимуществво предъ обѣими другими, что ясно доказываешся извѣстными намъ языками: Санскрипскимъ и Готтескимъ. Также въ древнѣйшихъ Семишическихъ нарѣчійахъ: Еврейскомъ и Арабскомъ, почти всѣ основныя слова

(1) Смотр. сочиненія *Ульриха Коппа*, подъ заглавіемъ: *Bilder und Schriften der Vorzeit*. Томъ второй.

(2) Профессоромъ Марбургскимъ *Гунфеледомъ* (Hunfeld) въ журналѣ, подъ заглавіемъ *Гермесъ* (Hermes), Томъ XXX.

имѣють гласное *a*. Изъ сего явствуетъ, что по правду выговаривать всякую согласную букву съ слѣдующимъ *a*, многи согласныя, даже цѣлыя слова могли бы быти писаны и писались безъ гласныхъ. Сверхъ того звукъ *a* въ началѣ слога или слова никогда не можетъ быти чисто выговариваемъ какъ гласная, но выговоръ онаго соединенъ при начальномъ звукѣ всегда съ легкимъ придыханіемъ (*spiritus lenis*), почему и *a* при начальномъ звукѣ неволью выговаривалось съ придыханіемъ. Наконецъ буквы *i* и *u*, коихъ въ нѣкоторомъ отношеніи не зья уже названъ гласными буквами, при скоромъ произношеніи переходящъ предъ другою гласною въ согласную и полугласную *i* (*j*, *Jod*), и *e* (*v*, *Vav*) — п. е. *ia* въ *ja* (*я*), *ua* (*ya*) въ *va* (*ва*). Этимъ объясняется, почему въ послѣдствіи времени, когда начали размышлять о письменахъ, знаки *a*, *i* и *u* могли почестъся слабыми согласными. Посему и утвердилось мнѣніе, будто Семиитическій Алфавитъ первоначально состоялъ изъ однихъ согласныхъ. Это мнѣніе укрѣпилось не только отъ того, что при дальнѣйшемъ развитіи языка, послѣдовавшемъ въ теченіе времени, образовались, кромѣ трехъ основныхъ гласныхъ, еще многіе гласные звуки, какъ то: *ae*, *e* и *o*, для коихъ древній Алфавитъ не имѣлъ никакихъ знаковъ; но даже тѣмъ, что выговоръ многихъ словъ не согласался болѣе съ образомъ письменъ, ибо нѣкоторыя слова произносились съ гласными *ae* или *e*, въ какомъ случаѣ писали *a*. Пошому позднѣйшіе образователи языка изобрѣли для гласныхъ звуковъ особенные знаки, приложенные къ соглас-

нымъ, или подчиненные имъ, и постепенно про-
спирали эту систему на всѣ гласныя буквы; по-
добнымъ образомъ буквы *i* и *u*, перешедшія въ
полугласныя, были признаваемы за гласные знаки
шамъ, гдѣ они ошались чашими гласными.
Справедливость этого взгляда на первоначальное
отношеніе гласныхъ буквъ къ согласнымъ въ
древнемъ Семишическомъ письмѣ, доказываеися
сходствомъ Эѳіонскаго и Санскритскаго языковъ.
Въ Алфавитѣ обоихъ не находися для звука *a*
при конечномъ слогѣ никакого знака, но всякая
согласная выговариваетя съ однимъ *a*, если слово
не оканчиваетя гласною буквою, или если, въ слу-
чаѣ отсутствія гласной, она не замѣняется ника-
кимъ гласнымъ знакомъ; напротивъ оба Алфавита
замѣняютъ *a* при начальномъ звукѣ особными
знаками. То же самое, говоряиъ, встрѣчается въ
древнемъ Персидскомъ, клинообразномъ письмѣ (1).

Изъ этого можно вывести важныя заключенія
касательно сравненія Семишическаго языка съ
Санскритскимъ. Ибо, если основательно мнѣе,
что древнѣйшій Алфавитъ Семишическій въ пѣ-
коноромъ отношеніи состоялъ только изъ сло-
говъ, именно потому, что всякая согласная буква,
будучи выговариваема съ буквою *a*, образовывала
одинъ слогъ, и что обыкновеніе Семишовъ озна-
чать свои гласныя буквы точками или линіями,
къ буквамъ приложенными, есть недавнее изобрѣ-
шеніе Грамматииковъ для дополненія письма, не

(1) Смолр. сочиненіе Профессора Лассена (Lassen), подъ заглавіемъ:
Die Altpersischen Keilinschriften, стр. 16 и 60.

равно развитаго въ дальнѣйшемъ образованіи языка; по предположенію, что Семитическіе корни состоятъ изъ однихъ согласныхъ, оказывается невѣрнымъ. Напротивъ должно утверждать, что всѣ Семитическіе корни, не имѣющіе гласной *i* или *u*, первоначально выговаривались съ крашкою *a*, которая для означенія корня по крайней мѣрѣ пошному болѣе существенна, что при включеніи буквъ *i* и *u* въ корень, возникало со всѣмъ другое слово съ другимъ значеніемъ. Слѣдовательно всѣ Семитическіе корни, имѣющіе въ вышнѣмъ своемъ двусложномъ видѣ при неизмѣняемыя согласныя буквы, принимая обратно первоначальный односложный свой видъ, вступаютъ въ одинъ рядъ съ корнями Санскрипскими, состоящими изъ двухъ согласныхъ и гласной *a* въ срединѣ, какъ по: изъ **ללן** (галаль) дѣлается **לן** (галь), *катать*, изъ **לפ** (пафаль) происходитъ **פ** (фаль) *падать*, по Санскрипски: *наступать*, по Гречески: *σφάλλα* и проч.; между шѣмъ другіе корни, состоящіе изъ трехъ согласныхъ, при односложномъ произношеніи равны Санскрипскимъ, что доказывается многими изъ вышеприведенныхъ примѣровъ. Но впрочемъ всѣ Семитическіе корни, гдѣ встрѣчается одна изъ трехъ буквъ *Алифъ* (*a*) *Юдъ* (*i*), или *Вавъ* (*u*), не состоятъ изъ чистыхъ согласныхъ, но вмѣстѣ изъ согласныхъ и гласныхъ. Знакою Семитическаго языка извѣстно, какъ велико число семействъ этихъ глаголовъ; извѣстно, что гласныя буквы, выдаваемыя за согласныя, встрѣчаются не только къ срединѣ, но и въ началѣ и концѣ словъ; что многія семейства гла-

голова имѣють даже двѣ гласныя буквы; а иныя сосноднѣ только изъ *a*, *u* и *i*, напр. אוי , (ава) *желалъ*, чпо въ Санскритскомъ Грамматикѣ сократили до одной буквы *i*;— ודי , (вади) *indicavit*, средное съ Еврейскимъ ידע (идахъ) *знать*, соплашаеся съ Санскритскимъ корнемъ *vid*, вѣдаль, *oīda*, *ēdē vidī* и п. д. Такимъ образомъ уравниваются за основательную признанная разность корней у обоихъ языковъ, и оба по первоначальному своему виду пожешвенны; оба происходятъ отъ одного древняго языка, существованіе котораго должно опшести ко временамъ, когда родъ человеческій сославлалъ *одинъ* народъ и говорилъ однимъ языкомъ.

Показывая первоначальное равенство корней обоихъ языковъ, мы не хотимъ впрочемъ опровергать великаго различія, возникшаго въ нихъ при историческомъ ихъ образованіи и развитіи. Мы нисколько не намѣрены спавить средство, которое мы желали доказать между Семиитическимъ и Индо-Европейскимъ языками, въ одинъ рядъ со взаимнымъ сходствомъ пяти великихъ опраслей, кои заключаешъ въ себѣ семейство Санскритскаго языка, или утверждать, чпо Еврейскій и Арабскій языки сродны съ Санскритскимъ такъ, какъ Славянскій и Греческій. Такое мнѣніе совершенно опровергается, какъ не историческое. Сходство выше исчисленныхъ пяти великихъ опраслей Индо-Европейскаго семейства не только просирается на корни, но тѣсно соединяется съ ихъ грамматическимъ устрой-

спомомъ , такъ что во всѣхъ главныхъ образова-
 нiяхъ существуютъ одни и тѣ же законы , и
 вслрѣчаемая въ нихъ разность изъясняется опре-
 дѣленными правилами звукоизмѣненiя . Напротивъ
 сходство племени Семитическаго языка съ Индо-
 Европскамаъ касается преимущественно корней ,
 и слѣдовательно первоначальнаго вида , а грамма-
 тическое устройство обоихъ совершенно другаго
 свойства , такъ что разрозненные слѣды равныхъ
 измѣненiй , при сравненiи въ разныхъ мѣстахъ
 вслрѣчаемые , не могутъ получить никакого всеу
 касательно доказательства ихъ сходства между
 собою . Подобное согласiе объясняется общимъ
 свойствомъ человеческой природы , которая у всѣхъ
 народовъ и на всѣхъ языкахъ , для сходныхъ понятiй ,
 мыслей и воззрѣнiй опредѣляла еродные звуки и
 виды словъ .— Если время , когда всѣ народы Индо-
 Европскаго племени составляли одинъ общiй ,
 первоначальный народъ , переснуиаетъ за предѣлы
 Импорiи и открываетъ намъ только посред-
 ствомъ общаго сходства и равенства ихъ языковъ ,
 и посредствомъ нѣкоторыхъ сказанiй о происхож-
 денiи и первомъ жилищѣ отдѣльныхъ народовъ ,
 но эпоха , гдѣ народы Индо-Европскаго и Семи-
 тическаго племени составляли одинъ общiй на-
 родъ , встречается еще далѣе во мракѣ древности ,
 о коей доставляетъ намъ нѣкоторыя свѣдѣнiя
 первая книга Моисеева въ извѣстiяхъ о древнѣй-
 шемъ народораздѣленiи послѣ пошона (книга Бы-
 нiя , Гл. X) . Когда послѣ Вавилонскаго сполно-
 пворенiя (Книга Быш. Гл. XI) родъ человеческiй
 разсѣлся по землѣ , вѣроятно вмѣстѣ съ племе-

нами народовъ раздѣлились и языки Семипитческіе
опять Индо-Европейскихъ шакъ, что съ этого вре-
мени оба семейства языковъ начали особенный
ходъ развитія своего и образованія, коего только
общіе законы мы въ соотношеніи предложимъ въ
свое время. Органическое развитіе языковъ слѣ-
дуетъ двумъ законамъ, изъ коихъ одинъ назы-
вается *логическимъ*, а другой *звуковымъ* (pho-
netique опть *φωνή*). *Логическій* соотношенъ въ томъ,
что духъ языка сливается два или многіе первооб-
разные корни, — обыкновенно, корни глаголовъ съ
корнями мѣстоименій или частиць, — то есть,
соединяетъ въ одно органическое единство и шѣмъ
образуетъ изъ ограниченаго числа первообра-
зныхъ корней не только богатство своихъ словъ,
но даже главные виды грамматическаго своего
устройства. Такъ, напр. въ Русскомъ языкѣ изъ
корня *вѣд* (въ Санскритскомъ *vid*) образовались
глаголы: *вѣдать* съ производными: *вѣдѣць*, *вѣдѣніе*,
вѣдаше.ль, *вѣдьма*, *вѣдунъ*, *вѣдомо*, *вѣдомость*, и
п. д. *вывѣдани*, *безвѣдомо*, *довѣдывань*, *извѣдань*,
навѣдань, *опивѣдань*, *повѣдань*, *предвѣдань*, *про-*
вѣдань, *завѣдомо*, *невѣдѣніе*, *развѣдань*, *свѣдань*
вмѣсто совѣдань, *увѣдань*, *заговѣдань*, *исповѣ-*
дань, *проповѣдань*, *предувѣдывань*, вмѣстѣ со
множествомъ отсюда происходящихъ именъ суще-
ствительныхъ и прилагательныхъ. Изъ *вѣдать*
образовались также глаголы *вѣтовать*, *вѣщать*
и другіе со многими производными и сложными.
Даже формы измѣненія глаголовъ возникли изъ
связи корней глаголовъ съ мѣстоименіями, что
весьма ясно видно въ Санскритскомъ языкѣ; на-

прошивъ въ опрасляхъ прочихъ языковъ первообразъ болѣе изглаженъ, какъ (дадѣми *dīdāmi*, даю) изъ *da-d-āmi* ил. е. дающій я (есмь).

Законъ *звуковаго* языкообразованія состоить въ томъ, что духъ языка уопребляетъ всё въ языкъ данные звуки (гласныя и согласныя буквы), *частію* чтобы выразишь различными формами корней разные опшѣнки основнаго понятія и пѣмъ распроспраняетъ богачество словъ, *частію* чтобы изъяснитъ разныя обшоительства понятій въ спряженіяхъ и склоненіяхъ. Такъ наир. изъ Еврейскаго корня קל (каль) *легко*, происходятъ глаголы קלל (калаль) бышь легкимъ; קלל (киллель) объявишь легкимъ, ничтожнымъ ил. е. клаетъ, проклинанъ; קלל (хекель) облегчашъ, презираешъ; изъ ברא (бо) *притти*, происходитъ ארץ (хеби) *приказать притти* ил. е. *приносить*; изъ Арабскаго كتب (кашаба) *писать* اكتب (акшаба) *диктовать* или *угитъ писать*; كتيب (кашибонъ) *писарь*, كتاب (кишабонъ) *книга*, كتبی (кушубіонъ) *писецъ* (*librarianus*), مكتب (макшабонъ) *мѣсто* или *время писанія* и ил. д. — Сложныхъ корней мѣспоименій и глаголовъ наиротивъ не видно въ Семитическомъ языкѣ; гдѣ одно измѣненіе корней посредствомъ измѣненія звуковъ недоспапочно для образованія понятій, шамъ синтаксическое соединеніе и конспрукція должны допнлнить недоспапочное, хотя впрочемъ и они весьма неполны, и ни одно изъ Семитическихъ нарѣчій не въ соспоянніи образоватъ собшвенно періодовъ. Въ Семитическихъ діалектахъ законъ звуковаго образованія

преимущественно опредѣлялъ ходъ ихъ развитія; напрошивъ въ Индо-Европейскихъ господствуетъ вообще логическій. Эпимъ превратились племена обоихъ языковъ въ такое разнообразіе, что въ ихъ видѣ, исторически намъ извѣстномъ, исчезли всѣ слѣды единства для поверхностнаго разсмаприванія. Дальнѣйшее и болѣе глубокое изслѣдованіе опраслей языковъ опкроетъ намъ болѣе и болѣе внутреннюю ихъ сущность, а въ самоспояпельности каждой изъ нихъ порознь — самоспояпельность духа народнаго; вмѣстѣ съ нѣмъ оно доставитъ намъ яснѣйшій взглядъ на основаніе и причины, по коимъ въ одномъ народѣ одинъ законъ, а въ другомъ иной былъ образующимъ изчаомъ языкоразвитія.— Смотри по нынѣшнимъ успѣхамъ изслѣдованій, можно сказать только вообще, что логическій ходъ образованія языковъ указываетъ на перевѣсъ ума въ духѣ народномъ, а звуковой на господство воображенія и разсмаприванія. Если болѣе глубокое изысканіе должно вести насъ, къ дальнѣйшимъ свѣдѣніямъ въ духовной природѣ народовъ, то оно обязано неушомимо продолжатъ однажды начатой путь историческаго испытанія каждаго языка порознь: ибо одно только глубокое вниканіе въ сущность видовъ языка, только самое рачительное, объясненіе внутренней необходимой связи, въ которой находятся особыя формы, какъ оппечатоки воображенія и мыслей, съ сими послѣдними, будетъ въ состояніи приблизитъ взаимное сравненіе языковъ къ желаемой цѣли — познать духовную дѣятельность народовъ. Однако существующъ еще семейства языковъ болѣе рас-

проспращенныя, какъ по *Китайское* и *Монгольское*, коихъ изученіе недавно пачапо, равно какъ и другіе языки, напр. множесиво *Африканскихъ*, и *Американскихъ*, ожидающихъ доннѣ испытателей своихъ. Даже въ области круговъ *Индоевропейскаго* и *Семитическаго* языковъ оспраиваются многіе предметы, достойные изслѣдованія. Одно только разысканіе всѣхъ языковъ въ состояніи доставить намъ полное понятіе о духѣ человеческого, обнаруживающемся въ языкѣ и въ связи съ прочею образованностію племенъ показавъ такъ-называемую общую духовную дѣятельность нашего поколѣнія.

*Профессоръ Дерптскаго Университета, Докторъ
Философіи*

Кейль.

(Изъ Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія,
1858 года, Ноябрь, № XI.)